К С(4Чв)
Э 67
12.614-к

Василий Эндип

Родники России

Национальная библиотека ЧР
k-012614

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

М 12614-К

Ядринская тип. з-з № 187 т. 1000

Сердце матери стучит в груди моей,
Чтобы чище был я и добрей,
Чтоб отзывчивость во мне жила...
Мать моя, вовек тебе хвала!

Сердце храброе отца в груди моей —
Льва смелей и сокола быстрей
Мой отец сражался против зла.
Мой отец, вовек тебе хвала!

Всех друзей сердца в груди моей —
Негасимых тысячи огней,
Непрерывная струя тепла...
О друзья, вовеки вам хвала!

Сердце милой бьет в груди моей,
Жизнь в меня вдохнувший ветровей.
Ты и страсть, и нежность мне дала—
Милая, вовек тебе хвала!

Сердце родины стучит в груди моей —
Общий пульс отцов и сыновей,
Общий дом и общие дела...
Родина, вовек тебе хвала!

Бьют в груди народа моего
Все сердца, как жизни торжество,
Мой народ, вовек тебе хвала!
Рабство ты испепелил дотла...

Кор
К С(Чув
Э67

Василий Эндип

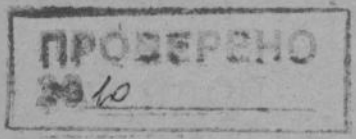
РОДНИКИ РОССИИ

Кр.

Медвяная роса
Прекрасные мгновенья вечной жизни
Илемби
Вернитесь, аисты, в село!
Орехи Слакбаша

Чувашское книжное издательство
Чебоксары
1980

84.3 Чув.
Э 64



Василий Эндип.

Э 64 Родники России. Стихи и поэмы. Перевод с чувашского Е. Аксельрод и Н. Григорьевой.— Чебоксары, Чуваш. кн. изд-во, 1980.—232 с.

75 к.

Родная природа, родники, народы, Родина... Святые для советского человека слова, единый корень, которых питается животворными соками родной земли, их пронзительно-милое, родное звучание волнует и тревожит сердца, их мудрая связь и нерасторжимое единство пестуется людской любовью — выстраданной, глубоко осознанной, крепнущей в великой братской семье. Об этом книга В. Эндипа «Родники России».

В нее вошли циклы стихов «Медвяная роса», «Илемби», «Орехи Слакбаша», поэмы «Прекрасные мгновенья вечной жизни», «Вернитесь, аисты, в село!».

м 12614-К

84.3 Чув.

Чувашская республиканская БИБЛИОТЕКА им. М. ГОРЬКОГО

Э 0743—164
М136(03)—80 58—80

© Чувашское книжное издательство, 1980 г.

Медвяная роса

Родной язык, как мне тебя познать?
Как лад открыть, что времени под стать?
Гармонию тысячеструнных гуслей
Как песней небывалой передать?
Как человеку столько силы дать,
Чтоб дух его над песней мог витать?

ДЕТСТВО

Вторые сутки мир в метели синей.
На окнах все пушистее резьба.
А мама пропадает на овине,
За рощей дальней,— там, где молотьба.

Дышу, дышу, но лед никак не тает,
Лишь обновляю кружевной заслон,
Во мне тепла, наверно, не хватает —
Вот и знобит, и сладко клонит в сон.

На окнах ветви спутались чудесно,
Мохнатый иней разукрасил сад.
Но в мертвом блеске мне не интересно,
Я и сороке тощей был бы рад.

...Когда ж успело все перемениться?
Поутру вижу в ясное стекло:
На крыльях торопливые синицы
Мне принесли зеленое тепло.

Неделю возим на гумно снопы.
Мать еле дышит, лошадь понукая.
А та, не одолев крутой тропы,
Упала на колени, чуть живая.
Тревожным ржаньем жалобно зашлась,
Взывая к маме на своем наречьи.
Из обезумевших горящих глаз
Сочатся скупо слезы человечьи.

Мать всполошилась, засеменила к любимице, развязала супонь сухими, дрожащими пальцами, концом платка отерла слезы с полумесяцев глаз и ласково стала увещевать:

— Вставай родная. Трудно нам пришлось,
Но все ж страду мы выдюжим с тобою.
Вот до гумна дотащишь этот воз,
Сенца подброшу, напою водою.
Дождемся, скоро кончится война,
Дай срок коням и людям возвратиться —
И на лугу зеленом дотемна
Ты будешь с жеребятами резвиться...

То ль, отдышавшись, с духом собралась,
То ль, умница, хозяйку пожалела —
Вот, раскорячась, лошадь поднялась,
Качаясь, подалась вперед несмело.
...С кряхтеньем мать толкает воз плечом.
И кляча рвется вверх, кусая землю.
В колючие снопы зарывшись лбом,
Стараюсь им помочь я... как умею...

СОЛДАТСКИЕ ПИСЬМА

— Эндип, сын солнца золотоволосый,
Зайди-ка в дом, родимый, выручай,
Душевный ты, глаза светлы, как росы,
Рука твоя легка, не глянешь косо —
Вот весточка пришла, возьми — читай!

Солдатский треугольник опаленный,
Иль тоненький конверт — что вас ценней?
Вы — жизнь и смерть, вы — миг, судьбой даренный,
Кривые строки, слог ваш немудреный —
Вас трудно вскрыть, читать еще трудней.

О сестры! Матери! И вы, солдаты!
Прости, кто мертв, прости, кто уцелел:
Я грешен, но казнить меня не надо...
В то время, что не ведало пощады,
Я, может, слишком рано повзрослел.

Признáюсь, что при чтеньи зачастую
Я письма приукрасить был не прочь.
Добавлю шутку, скрою весть худую,
Поклонов да приветов наколдую —
Мне так хотелось каждому помочь!

Надежда из намека вырастала.
Когда же смерть в лицо дышала мне,
Меня святая выдумка спасала,

Я жизнь дарил... Как выдержки хватало!
Я плакал. Но — с собой наедине.

Мне верили. Жить не могли без веры.
И бодрость черпали в моих словах.
Я лгать боялся — лгал, не зная меры.
Краснел, стыдился, вновь селил химеры,
И, видя радость, ликовал в слезах.

И не они ли, не подвластны срокам,
Меня добру учили в те года?
Я счастлив, если верен их урокам.
...Но только бы мне в строчке ненароком
Не приукрасить правды, как тогда.

1945 ГОД

Пылая, поезда восходят в час рассвета,
И исчезают в зелени, в закатах где-то.
Солдаты пляшут — мирный полустанок.
Букет в окне — улыбка спозаранок.
Проходят гулко поезда в туманы, мимо.
И прямо в лица пышут едким дымом.
— Простите, люди! — восклицают паровозы
И вдовы-матери бредут в дожди и грозы.

— Мама, кто там плачет в небе синем,
То цепочкою летя, то клином?
И, когда темнеет вышина,
Всё трубят: «Весна! Весна красна!»

— Это журавли летят, родной.
Возвращаться им пора домой...

— Мама, кто там стонет в небесах,
Как в сугробах, тонет в облаках,
В снежную уходит высоту,
Путь свой расчищая на лету?

— Это лебеди летят домой,
Чтоб не мерзли их птенцы зимой...

— Мама, разве не далек их путь?
Разве не пора им отдохнуть?
Что же птицы прочь от нас летят?
Что же навестить нас не хотят?

— Будет и у нас весна, сынок.
Все на свете в свой приходит срок!

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ

Очи — васильков синей.
Волосы твои — пшеница.
Что же хмур ты, царь полей?
Что, пастух, с тобой творится?
Голову кружи́т полынь.
Тишь и душная прохлада.
Нем рожок. Исчезла синь.
Бык взревел. Уводит стадо.
Как пред грозовым дождем,
Сердце сдавлено тоскою.
Стриж стрижет траву крылом,
Сбит внезапной темнотою.
Закручу мой кнут тугой,
Что длиннее Черемшана,—
Пусть не ползает змеей
Он за мною постоянно...
Кровью налиты глаза,
Не смолкает бык взбешённый.
Где же мешкает гроза?
Дальний гром негромкий, сонный.
День пришел, как я, смурной,
Утро было — свет и благо.
Кто завесил поле мглой?
Ветер шустрый веет влагой.
Чу!.. Чернеет солнца край!
Все вокруг пришло в смятенье.
Где цикады, птичий грай?

Стадо скучилось мое,
Будто рядом волчья стая.
Резче и острей чутье.
Воет пес... Тоска какая!
На рассвете в вышине
Будто струны арф звучали.
Диктовали песни мне
Солнце, и луга, и дали.
Как подсолнух поутру,
Мысли распускали крылья —
Ликовали на пиру
Плещущего изобилья.
Солнце, где ж ты? Выйди в высь!
Трон твой за каким порогом?
— Да появится... Уймись!—
Щекочу быка за рогом.

СЛОВО МАТЕРИ

Вижу: крылья вырастают за твоей спиной,
Значит, в путь пора настала, мальчик мой родной.

Хочешь ты нырнуть в ненастье иль в солнцеворот?
Жизнь — великий труд, но смело двигайся вперед.

Кем ты станешь? Может, землю будешь обновлять?
Ту, где корни наши,— что ж, благословляет мать.

Сам решай! Но сердцем чую: покидаешь дом,
По земле пойдешь то зноем, то горячим льдом.

Все пути трудны. Ты молод — настигай мечту,
Выбрось сразу из котомки грусть и пустоту.

Выбирай к победе правды, а не кривды путь —
Не сгибайся! Как народ твой, мужественным будь.

Научись улыбке светлой у румяных зорь.
Не копи в душе обиды — сердце не позорь.

Что старо, что ново в мире — не спеши решать,
Истине ничто не может в жизни помешать.

Слово грубое поранит — местью не гори,
На людей и жизнь беззлобно, мальчик мой, смотри.

Будут бури, будут беды — по-мужски стерпи;
А споткнешься — встань и тверже на землю ступи.

Только мать я... Ты мужчиной сам обязан стать.
Лишь гнездо покинув, сокол учится летать.

Ну а если перестанешь слышать зов земли —
Старой песней колыбельной слух свой утоли.

«Человек умирает, народ остается...»

Из чувашского фольклора

— Где умирают лебеди? —
Спросил я у старого рыбака.
Вздыбил он волны на лбу:
«Не видывал... Не пришлось.
Не то бы глаз притупился —
Я днем звезды вижу пока.
Спроси у ели: ей за сто,
Побольше видать довелось».

— Где умирают лебеди? —
Спросил я у древней ели.
Она отвечала, скрипнув:
«Подобных не помню бед.
Если б видала такое —
Иголки давно б пожелтели...
Спроси у седой волны:
Бежит она тысячи лет».

— Где умирают лебеди? —
Спросил я у волжской волны.
«Не знаю,— она прошептала,
Качнув гребешком тугим,—
Не то б, испарившись, взлетела —
Глядела на мир с вышины...
Попробуй, спроси у туч:
Сверху все видно им».

— Где умирают лебеди? —
Спросил я у грозной тучи.
Она мне ответила громом:
«Не помню — не стану лгать.
Увидела бы — всю землю
Слезой опалила горючей.
Лучше спроси у солнца —
Вон вышло оно опять».

— Где умирают лебеди? —
Спросил я у солнца тогда.
«Не знаю,— и мне в ответ
Как мать, улыбнулось устало,—
Увидело бы — затмилось
От горя и от стыда...
Пойди к старику-рыбаку:
Он в жизни видал немало».

Памяти В. М. Ямщикова,
моего первого учителя русского языка
и литературы

Настала осень.
В синеве линялой
Вновь журавли курлычат и трубят.
Туман сползает, как табун усталый,
В овраг, а трáвы бисерный наряд
Никак не скинут — стужа их сковала.
Чтоб лапти не промокли ненароком,
Охотник старый просекой бредет.
Он дышит трудно, дань крутым дорогам
Он заплатил, но страсть в глазах живет,
Последнего везенья сердце ждет.
И слышит он — в дубраве, за кустами,
Победным кличем гончая зовет:
«След верный взят!
Так не зевай! Вперед!»
И пламя промелькнуло меж стволами...
Но задрожали руки...
Эй, мучи *,
Зачем казнить себя?
Стрелял ты метко...
Не надо горевать!
Не плачь.
Молчи.
Такое приключается нередко...

---

* д е д, уважительное обращение к пожилому мужчине.

«Месяц на ущербе».., «новый месяц»..,—
Про него в народе говорят:
Круг луны, рождаясь и старея,
Разным кажется на разный взгляд.
Кажется монетой золотою
Тем, кто скопидомством одержим;
Животворная краюшка хлеба —
Он для тех, кто голодом томим;
Раной — безнадежною, смертельной —
Кажется наемным «храбрецам»;
Герб отчизны видят в нем герои,
Что свой край не отдадут врагам...

На земле есть то, что нужно славить,
Есть и то, чего нельзя стерпеть:
Правда, кривда, счастье, радость, горе,
Войны, и насилие, и смерть...
Видно, оттого порою месяц
Для меня — как человечий рот:
Зло хулит он криком возмущенным,
А добру свою улыбку шлет.

М 12614 - К
Чувашская республиканская БИБЛИОТЕКА им. ГОРЬКОГО

В весеннем поле труд бурлил до ночи.
Заметив, что устал я, приуныл,
Ты говорила, чтобы прибавить сил:
— Вот борозду пройдем и отдохнешь, сыночек...

Но борозда была день ото дня длиннее,
А я все спрашивал иссохшим ртом:
«— Когда же, мама, наконец, дойдем
До края борозды? Ну, можно ль быть смешнее?

Полжизни прожито. В пути шаги считаю.
И солнце впереди — все в той же борозде.
Хоть не легчает труд, хоть нет конца страде;
«Длинней будь, борозда!» — лишь об одном мечтаю.

Дуб-батюшка, могучий, словно бык,
Что стог взметнул на острие рогов...
Не каждый верить старине привык,
Но я не раз слыхал от стариков,
Что нервами побегов и корней
Дуб чувствует круговорот времен —
Едва наш мир становится добрей,
Тотчас, как в сказке, расцветает он.
Белым-белы те редкие цветы...
Не видел я... Но каждую весну
Я, в лес входя (так жаждешь доброты!),
Ищу на ветках дуба белизну.

Вздымая тучи искр, горит костер.
Он крылья красные во мраке распростер.
Но сил взлетать ему не достает,
Он на земле погаснет и умрет.
Поднимет опаленное крыло,
Но вздрогнет и уронит тяжело.
И вновь, стараясь груз угля пробить,
Взмахнет другим — последним, может быть.

Потоки искр трассирует костер.
Он крылья красные во мраке распростер.
Но пламя красное становится золой,
И дым уже над ней сухой и злой.
И бьются журавли среди углей,
И крылья красные у красных журавлей.
...В просвете туч горят свои костры,
Но негасимы звездные миры.

Не видно солнца. Громоздятся тучи.
Светает? Вечереет? Закат или восход?
Венок усталых трав, пока еще пахучий,
Несмело зеленеет и глянцем отдает.
Мгла туч окаймлена махрой багровой,
Ветла стоит в хушпу *, вся в серебре монет.
Литой латунный мост над речкою свинцовой
Оседлан ветром, в синеву одет.
Но солнце, скрывшись, все же остается:
Еще дымится камень, обрызганный волной,
Пыльна и горяча, во ржи тропинка вьется
И пятки обжигает, как в августовский зной.
Поблек зрачок цветка, в седой пыльце ресницы,
Но все же голубеть еще хватает сил.
Сарыч кружится с плачем, не смея приземлиться,
Поник порожний колос и стрелы опустил.
Горюет поле, тускло и безлюдно,
Крадется ночь, и небосклон погас.
Но солнце, кажется, горит подспудно
Во всем живущем, в вечности и в нас...

---

* старинный женский головной убор, украшенный монетами и бусами *(чув.)*.

ГОСТЕВАЯ

Словно красна девица,
Гибок краснотал.
Я плетень жемчужный
Из него свивал.
Приходите глянуть, ладно ли сплетен.
Семь ворот поставил я с семи сторон.

Все для вас, родные,
Гости дорогие!
Семь ворот открыты — низкий вам поклон!

В темных дебрях бора
Выросла сосна.
А теперь венчает
Светлый сруб она.
Заходите, люди, в мой просторный дом!
И о чем тужить нам, коль друзья кругом!
Все для вас, родные,
Гости дорогие!
Угощу вас пивом, пивом да вином!

В солнечном ольшанике
Я ольху срубил.
Распилил на доски,
Белый стол я сбил.
Поднесу вам семьдесят самых вкусных блюд,
И кувшинчик меду предложу на суд.

Так за стол, родные,
Гости дорогие!
Сядь и угощайся, добрый сельский люд!

Рос дубок в дубраве,
Кряжист был и прям —
Крепкий пол узорный
Настелил я сам.
Поднимайтесь, милые, да вставайте в круг!
Здесь спесивых нету, здесь мне каждый друг!

Веселей, родные,
Гости дорогие!
Грусти и печали нынче недосуг!

Домов, ему подобных, не отыскать, пожалуй,—
Нарядней даже баня теперь у нас в селе.
Гниет он на задах, забытый, одичалый,
Хозяин безземельный лежит в сырой земле.
Над глиняной трубой давно не видно дыма,
Безмолвствует защелка — забита дверь крестом.
Взглянул я на него, идя случайно мимо,
А он — как дряхлый старец с морщинистым лицом.
Прикрыты шапкой валеной его густые брови,
В глазах его усталых закатный свет горит,
На сельские хоромы глядит, дивится нови,
И, кажется, с печальной усмешкой говорит:
«Свое я прожил. Как? Да всякое бывало.
Дым сладок не всегда был над трубой моей.
И горькая беда меня не миновала,
А одолел ее — и сразу жизнь милей.
На лавках на моих — и грубых, и широких —
Существованье гасло, чтоб зародиться вновь.
Вон вырос мне на смену красавец крепкобокий —
И новая в нем жизнь, и новая любовь.
Повсюду обновленьем сменяется разруха,
И в этом суть явлений и жизни торжество...»
Дом старый задрожал, зашевелился глухо
Всем остовом в земле — быть может, ждет кого?..

На стрехе сосулька, как морковь, длинна,
За ночь выросла — и тает, тает...
Миг — и на завалинку упадет она.
Потеплело. Утро ярко полыхает.
Сев на жердь, что иней за ночь побелил,
Перья начищает голубок бедовый.
Бабушка корову крéстит, что есть сил,
И дымится весело корм в кунгре * дубовой.
В золото доспехов кочет облачен,
Важно кличет свиту песнею гортанной.
На крыльце молодка, прогоняя сон,
Сладко потянулась около кумгана.
Утро как все утра. В чем его секрет
И какую тайну радостную знает?
...С кромки туч слетая за лучом вослед,
Звонкая сосулька серебро роняет.

---

* колода.

ТЕЛЕЖКА НУЖДЫ

Я и так спать в гостях не горазд —
Но такого, как в этот раз!..
Дым густой окружил сеновал,
Соскочил я — и что ж увидал?!
Мой свояк разжигает костер,
Озарился огнями весь двор.
— Что затеял ни свет ни заря,
Иль дрова пропадают зазря?
Что грохочешь, чудак, колуном?
Ты подумал о госте своем?..
— Знай: сжигаю тележку нужды —
Пусть горят злой недоли следы!—
И в сердцах он глазами сверкнул,
В пламя черный обрубок швырнул.
— Не коня, а тележку бед
Нам оставил в наследство дед.
Наш отец до скончания дней
В гору горе тащил на ней.
Две оглобли, два колеса —
Личный транспорт! — не нужно овса:
Сам впряжешься — и в путь рысцой,
Прошибет и без бани парной...
Просолил оглобли наш пот —
Обгрызал их недаром скот.
Пусть пылает тележка бед!
Под навесом ей места нет.
Здесь гараж мне устроить пора —

Мотоцикл купил я вчера.
Не хранить же нужду и грусть —
Проклятущие, сгинут пусть!
Чтоб возврата не было злу —
Я по ветру развею золу.

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

П. К. Андрееви

Не оттого ли, что люблю безгранно
Родной земли нещедрую красу,
Порой к зеленым водам Черемшана
Я смуту сердца своего несу?
Зажгу костер — и брошу вызов ночи...
Пусть головня стреляет, как шутиха,
Чадит и мечет искрами в меня,
На дерне лежа, вслушиваюсь тихо
И в звездный звон небес, и в песнь огня,
И в недр земных — разверстых — гул немолчный.

И вдруг сквозь пламя — где-то в отдаленье —
Игреневых коней я вижу взлет.
Реке подобно плавное паренье.
Но что ж меня их ржанье не зовет?
И что же топота копыт не слышно?
К земле я приникаю торопливо,
Но слышу почему-то зов иной.
Где кони? Небо путь их прихотливый
Развеяло... Несется звездный рой...
Костер пылает весело и пышно.

А старый Черемшан неспешно плещет,
В воронке омута кружится сор.
Купальщик-ветер, вынырнув, трепещет,
Себя ракитовою веткой трет.
Огни села в воде горят зарницей.
И в этот миг щемящая, простая

Мелодия восходит вдалеке,
С протяжным, нежным звоном, угасая,
Расходится кругами по реке,
Хрустальный смех ее нагнать стремится.

А сердце, как птенец нетерпеливый,
В грудь клювом стукнуло, насторожась.
Дрожь по спине. Откуда это диво?
И что же песня вдруг оборвалась?
Неужто не услышу продолженья?
Но вот напев, чуть ветром заглушенный,
Несмело поднимается, растет,
И сердцем я тянусь к нему сквозь кроны,
Вбирая радостно его полет,
Жду песен и поющих приближенья.

Какая мощь в народной песне скрыта!
В ней жизни нескудеющий запас.
О песня! В пору боли неизбытной
Ты верою в добро спасаешь нас,
И в нужный час приходишь неизменно.
Взлетай, напев чувашский: ты на воле,
Простор твой чист, судьба твоя светла.
Пусть будет песня о народной доле
Крылата, задушевна и смела,
Людей пусть окрыляет дерзновенно.

...Проселочной дорогою подводы
Стучат, скрипят, грохочут за рекой.
Девчата едут с полевой работы,
Спешат домой и песнею простой
Снимают утомление дневное.
...Как удержать ее? Пускай продлится
Ночь летняя. Чуть тлеет жар костра,
И сонная река слегка дымится...
...И песни отдыхают до утра
В тепле сердец и реют надо мною.

СТАЛЬНОЙ ЗВОН

Когда-то был у нас обычай древний:
Для путника, что по пурге блуждал,
Чтоб он во тьме не миновал деревни,
Всю ночь металлом били о металл.

Иных метель навеки закружила
И прочь от жизни теплой увела;
Но, обмороженные, еле живы,
Иные доползали до села.

...Бреду в полях. В сугробах увязаю.
Где я? Весь мир снегами заметен.
Где путь в село? Устал я. Замерзаю.
Где твой призыв, стальной, знакомый звон?!

Черный Ключ — вода черным-черна,
А течет, журча, под снегом белым...
Что хотел о жизни я узнать,
Появившись в мир оледенелый?
Мне навстречу бросился мороз,
А под ноги — тайное мерцанье...
Кто не бегал по осколкам звезд,
Тот не знал ни счастья, ни страданья,
В жизнь вошел я под метельный свист...
Прочь друзья, случалось, уходили;
И ветра несли меня, как лист,
Мне в глаза уставясь, волком выли.
...Что нас манит, гонит, кличет в путь,
Что мы ищем в жизни быстротечной?
Отчего бредем «куда-нибудь»,
Покидая дом, родной и вечный?
Все мы держим руки на руле,
Рвемся в неизвестное из дому.
Тесно в селах, тесно на земле...
Грохот... неизвестность... космодромы...
Но земля притягивает нас,
Нас назад фатально кличет кто-то:
К ней припав мы плачем, возвратясь
(из побега или из полета?..).
Мать моя, земля моя, звезда!
Как мне рассказать тебе об этом?
Возвращаюсь! Может, навсегда...

Кличет ключ сказаньем недопетым.
Черный Ключ — не Черная река...
Звон у чистых струй пока хрустальный.

Возвращаюсь вновь издалека,
Не найдя заветнее пристанищ...

ПТИЦА СЧАСТЬЯ

Горе-злосчастье по нивам бродило с косой,
Но не желал признавать его дерзкий мой разум.
Не потому ль птица счастья мне снилась порой,
Ярче цветов луговых и наряднее радуг?

Пели в садах соловьи на весеннем пиру,
Каркали вороны, галки призывно кричали.
Я же бродил, одержим, в лихорадке, в жару:
«Порча, видать...» — головами старухи качали.
В мире нездешнем я жил, не будил меня зов
Трав полевых, не видал ни весны я, ни лета.
— Где птица счастья? — спрашивал у облаков,—
Та, небывалая, с перьями синего цвета?..

Ездить и мне довелось, оставляя свой край.
Райские птицы гуляли по солнечной ниве;
Даже, бывало, касался я их невзначай,
Но не казался себе ни умней, ни счастливей.

Вновь я домой возвращаюсь тропою земной:
Нивы родные! Вновь бы скакать жеребенком!
Вдруг взорвалось мое сердце, как почка весной:
Вот она — птица счастья! На проводе звонком!
Вижу на ней райских птиц многоцветный наряд,
Пусть говорят, что в ней нет волшебства никакого.
— Сизоворонка простая! — мне люди твердят.
Пусть! Рад я встретиться с ней у порога родного.

Нет, не молиться — низко поклониться
Иду я на погост, вернувшись издалёка.
Еще журчит, полна моя криница,
И вечный дом не нужен мне до срока.
Ищу я столбики, что прежде были с краю,—
Теперь в листве густой отцов и дедов тени.
Те, что кренятся, дерном подпираю,
Чтоб ветер их не повалил осенний.
А к белым столбикам над бабками моими
Кладу цветы — душистые, живые —
И на холме с дарами полевыми
Их поминаю снова, как впервые.
И угощаю брагою хмельною —
Цежу по капле горький сок янтарный.
Пусть мирно спят. Их вечного покоя
Не потревожит внук неблагодарный.
Я сетую, горюю безответно,
На холмик скромный я смотрю с укором,
И кажется мне, что едва заметно
Земля вздыхает под сквозным чабёром.
Вдруг вздрогнет сердце еле ощутимо:
Я жив, мне рано помышлять о снеге,
Мы связаны с землей нерасторжимо —
В ней корни жизни, мы — ее побеги.

КАК ЖИВЕШЬ?

— Как живешь? — повсюду слышу я,
Возвратясь в родимые края.
Я шучу: — Все по земле кочую,
Пни корчую...

— Как живешь?—твердит пытливый взгляд
Близких и друзей. Я встрече рад:
— Так и сяк,— с улыбкой отвечаю,—
Звезды на небе считаю...

— Как живешь, сыночек? — спросит мать,
Под крыло спеша меня принять.
Я в ответ, как в детстве, трепещу:
— Не взыщи. Все чудеса ищу...

Обрыв... Громады льдов мильоны лет назад,
Сползая с полюса, кромсали плоть земную —
Ров так глубок, что холодеет взгляд:
Здесь воды талые трудились не впустую...

Ров в пропасть превращен, и боль не отстает.
Как опытный хирург, исследую я рану.
История болезни, как со страниц, встает —
Пора нам врачевать неутомимо, рьяно.

Из множества слоев спрессован шар земной,
У каждого из них свой цвет неповторимый.
Но что ж так уязвим, так тонок верхний слой?..
Ужель болезнь земли, и впрямь, неизлечима?!

На дне обрыва — сырость, затхлость, тлен. —
Я выбрался, дрожа. Я снова в птичьем гаме.
Передо мной краса весенних перемен:
Деревья принялись, посаженные нами!

АГАТУЙ

Вновь семена в земле! Светлеют лица,
И будничного торжества пора
Настала — можно отдохнуть, взбодриться,
Веселием наполнить вечера.
Земля тепла. В ней бродят жизни соки.
Всю ночь с небес желанный дождик лил,
И сразу хлеб поднялся невысокий...
А утром в лес — наш праздник наступил,
Наш агатуй — земли и плуга свадьба.
Сквозь ветки свет. Опавших листьев прель.
Здесь, с тишиной обнявшись, отдыхать бы...
Но кружится народа карусель.
Отцы села проходят в центр поляны—
Здесь каждый именит и деловит;
А сзади агатуй, весельем пьяный,
Прибоем человеческим бурлит.
Здесь люди — что венок цветов весенний,
Плывущий по играющим волнам.
Здесь все добры, здесь все друг друга ценят.
— Ну, как житье-бытье? — Идите к нам!
— Дела идут,— солидно отвечают.
Услышав это, радуюсь и я.
Да будет счастлив мой односельчанин!
Да будет щедрой для него земля!
И агатуй гуляет повсеместно,
Вскипая древней удалью своей.
Но мне всегда увидеть интересно,

Что нового у жизни и людей?
Мне нравится, как на машине личной
Крестьянин приезжает на уяв *,
Как он возводит дом себе кирпичный,
Как все село меняет вид и нрав.
Но главное здесь — щедрость и сердечность,
Умение откликнуться всегда
На зов земли, спокойный, словно вечность,
На зов друзей, когда у них беда.

---

* праздник, торжество.

МЕДВЯНАЯ РОСА

Цветной и солнечный я нынче видел сон.
Проснулся — так чудесен мир вокруг:
Плывет с небес тысячеструнный звон,
И вся земля пропахла медом вдруг.

Роса медвяная! Травинок и цветов
В природе свадьба ночью свершена.
И сквозь меня проходит жизни зов,
Горят глаза, и голова хмельна.

Мелодия — та, что во мне спала,
Очнулась и торжественно звучит.
Лучатся листья, словно зеркала,
Над каждой ивой теплый свет дрожит.

Во тьме прозрачные зеленые шелка
Набросила на все живое ночь...
Не смять бы трав, не запылить цветка!
Как хорошо — перенести невмочь!

Мед забродил. Идет вселенский медосбор.
Гул над цветами свежими стоит.
Горит росы сверкающий убор,
В душе покой разнеженный разлит.

Земли дыханье, шелест, ветра волшебство..
«Твори добро»,— я слышу голоса.
О, Родина! У сына твоего
В глазах — любви медвяная роса.

Вечер тихо ухнул в воду,
Лишь коса свистит клинком.
Девки, бабы с ходу к броду —
Искупаться перед сном.
Сколько шуток и задора!
Утомленья нет как нет.
Даже те, кому за сорок,
Скинули обузу лет.
Поясни, платки и платья
Птицами в стога летят.
Будь что будет! Оторвать я
Не могу смущенный взгляд.
Маслом желтым свет струится,
И гляжу я, сам не свой,
На свободное от ситца
Чудо красоты живой.
«Пюлех *,— я шепчу смиренно,—
Не казни... Ты видишь сам,
Красота, и впрямь, из пены,
С ней не справиться словам!..»
Линий гибкое сплетенье,
В каждом теле пламень скрыт.
Пляшут в волнах свет и тени,
Волшебство вода таит.

* мир, божество, раздающее людям счастливый или несчастливый жребий.

Кровь мне обжигает сердце,
Веткою горю сухой.
Как мне быть? Куда мне деться?
Ивушка, спаси! Укрой!
А русалки, что-то чуя,
Скрылись в брызгах. Визг. Галдеж.
Крикнуть я готов, ревнуя:
— Волны, вы бесстыдны все ж...
Дерзки, смелы вы без меры,
Постеснялись бы луны!
Озорным, вам нету веры,
Вы, видать, как я, хмельны!..
Что же? Волны, впрямь, бесстыдны
И запретов нет для них.
...Как обидно, как завидно —
Ты в обьятиях чужих!

Рано-рдяно! Рано-рдяно! —
Клич зарянки над поляной.
Ветер, от цветенья пьяный,
Аромат разносит пряный.

Дышит хвоей — рано-рдяно —
Наш шалаш обетованный.
Ожерельем блеск росяный
На травинках — рано-рдяно.
Как огни костра, багряны
Искры листьев—рано-рдяно.
Ты со мною, друг желанный,
Словно пташка — рано-рдяно.
В легкой пляске первозданной
Мы кружимся—рано-рдяно...

Нет ни грусти, ни обмана,
Горя, смерти окаянной...
Лишь зарянки зов гортанный:
— Рано-рдяно! Рано-рдяно!

— А что важнее,— ты меня спросил,—
Мысль бесконечная иль труд земной, конечный,
Который к результатам, что есть сил,
Стремится вечно?
Я так тебе, подумав, отвечал:
— Мысль все труды земные окрыляет;
А труд мечту извечно обновляет —
И истина в слиянье двух начал.

Пчела в соцветьях собирает мед,
И там же смертный яд находят змеи.
Двулика истина? Она века живет.
Она проста—поспорь, попробуй, с нею.

И жизни смысл внезапен и глубок,
И чудесам сама природа рада:
И впрямь, бывает ядовит цветок —
Но пчелы делать могут мед из яда.

ЧАРОДЕЙ ДОЖДЯ

Ну солнце! Жарит — больше нету сил,
Казнит, сжигая на костре, природу.
А наш Эрхип взамен дождя пустил
По трубам исцеляющую воду.
Не чудо ли? Фонтаны из-под ног
Взлетают в небо. Радуга над полем.
А все Эрхип, наш сельский паренек,
Накуролесил! Чародей он, что ли?
Какая мощь в мозолистых руках!
Все чудеса, все тайны им покорны.
Забыли небеса об облаках,
А дождь идет—молочный, рукотворный,
Гордятся мастером дождя в селе.
Напились травы досыта воды,
И огороды в росном серебре,
И соком наливаются плоды.
Дождь-изморось да ливни проливные —
Все нашему Эрхипу по плечу.
Потопы-водопады затяжные —
Уважь, заказывай, пей — не хочу!
— В такую сушь, бывало, мер народ,—
Дед вспоминает.— А теперь под осень
Нам не грозит голодный недород,
Жертв идолам мы больше не приносим.
Целебный дождь! Из синевы он льет,
Не признавая стародавних правил.

Сам чародей вошел под ливень тот,
Свое лицо усталое подставил.
Он пил капель, поющую над ним,
Снимающую на́долго усталость.
И радуга высокая — как нимб —
Над чудотворцем скромным поднималась.

СТРАДА

Повадки новые у вечного труда:
Желанным, щедрым, солнцем напоенным,
Трепещущим, горячим, окрыленным
В село приходит праздником страда.
Дрожит в машинах скрытой страсти жар,
Как пред атакой первой напряженье —
Вот грянет марш, и ринутся в сраженье,
Но — рано: не пробил звонка удар.
И на гумне свободно и легко
Вскипает хохот, длятся разговоры.
За хлеб грядущий грянет битва скоро.
Открыто небо — видно высоко.
Вот-вот начнется славный ритуал.
Стихают суматоха и проказы:
От старца древнего все ждут наказа,
Чтоб он в сердца, как зерна в землю, пал.
А там и юный комиссар страды
Взорвется речью, шум перекрывая,
И две молодки с пышным караваем
Пройдут к мужьям: — Хлеб-соль вам! За труды!
Благословляют девушки парней,
Надев венки из золотых колосьев.
Все верят — изобильнейшая осень
Наградой станет этих жарких дней.
И вправду, как прекрасен этот миг!
Он безусловно чудо предвещает:
Родство с землею каждый ощущает,

Как будто каждый сердцем к ней приник.
Как новый хлеб, обычай наш богат,
Он ежегодно радость нам приносит.
Вдвойне земля от счастья плодоносит,
И хлебороб втройне работать рад.

Запел мотор, глубокий, как орга́н,
И тронулись комбайны друг за другом,
И солнце встало над далеким лугом...
Какой простор труду земному дан!
Настал страды неповторимый час,
А лица все серьезнее и строже...
Труд делает нас чище и моложе,
Он, словно подвиг, возвышает нас.

Что вкусней, чем обед в час страды полевой?
Приготовлен он самой искусной стряпухой.
Кто не знает, что в нем трав целебный настой
С добавленьем пшеничного пряного духа?!
Не погашен костер — аромат из котла
Перемешан с дразнящим, накатистым дымом.
Я вздохнул, будто поднят волною тепла...
Как мне любо застолье под небом родимым!
...Стол дощатый — мужчины уселись кружком.
Отчего ж еще ложки не начали пенья?
Старший медлит, спокойно сидит за столом,
Кто помладше — заерзали от нетерпенья.
Но нарушишь обряд, так уронишь и честь —
И сидят, и молчат они, слюнки глотая.
Вот он — миг долгожданный! — как добрая весть,
С полотенца стремглав белый аист взлетает.
...Облака зачастую грустны и мутны,
Но покажется солнце — и свет заструится:
И, как солнце, что взгляды слепит с вышины,
Смотрит хлеб, испеченный из новой пшеницы.
Как он пышен! Торжественно как вознесен!
Высоко на руках его женщина держит —
Ей ли цену не знать его? Полю поклон
И мужчинам — но хлеба покамест не режет!
Его пустит по жилистым, жестким рукам —
И летит солнце-хлеб над столом — над землею:
Каждый пусть поднесет его к жадным губам,

Полюбуется коркой его золотою!
Лишь теперь она радости волю дает:
Хлеб округлым движением режет на части,
Солнца ясный ломоть перед каждым кладет,
И, улыбкой сияя, прибавит: «На счастье!»

Как работают, так же крестьяне едят:
Не прошло и мгновенья — все миски пустые.
Бродит дыма, хлебов и земли аромат,
Бродят трапезы воспоминанья живые.
— Знатный был каравай! — гомонят мужики
И хозяйкой никак нахвалиться не могут.
Снова сыты, а значит, сильны и крепки —
И гремит молодецкий, раскатистый хохот.
И опять — в нескончаемый, вечный свой труд,
Несгибаемы — сталь может сдаться скорее.
Свое мужество, стойкость они отдают
Каравaю, что выше всего и главнее.

Ливень льет и льет, не уставая.
Как болото, поле развезло.
По колено в мокреть увязая,
Движется крестьянин тяжело.
Сколько хлеба вымокло, слежалось...
Словно войлок спутанный у ног.
И косой не взять. Такая жалость.
Сердце жалит каждый колосок.
Так набухло — скоро лопнут зерна.
— Человек, спаси! — кричит зерно.
И грозит крестьянин туче черной:
— Есть ли у твоей утробы дно?!
То ли дождь струится по бородке,
То ли слезы, то ли просто пот.
И комбайн стоит бессильный, кроткий:
Он, как человек, работы ждет.
День такой — и целый год стараний
Вылетает к лешему, в трубу.
Столько горьких мыслей сердце ранит —
Хоть завой, запроклинай судьбу!
Мать-земля не может разродиться —
Мечется, страдает, голосит;
Словно бы в природе смерть таится,
Дождь над миром саваном висит.
Матушка, в тебе согласно срокам
Зерна чудотворные росли,
Наливались плодородным соком,

Как залогом счастья и любви.
— Небывалый,— пахари гордились,—
Выдался в округе урожай.
Вместе мы с тобой, земля, трудились —
Поднатужься, милая, рожай.
Даже солнцу стыдно устраниться
От страданья злаков наливных.
Что же делать? Как спасти пшеницу,
Чтоб потом не чувствовать вины?
Мысль не может победить природы.
Хлещет дождь рассудку вопреки.
Тянутся мучительные роды,
Падают бессильно колоски.

...Оставляя странный след, широкий,
Вдруг комбайн пошел! Как по луне...
Хлеб в жару течет сухим потоком,
А сейчас струится, весь в огне.
Вдруг пошел! И постепенно следом —
Звездная эскадра, вся в громах.
Родина, ты будешь нынче с хлебом.
Трудный хлеб наполнит закрома.

ПОТ ЗЕМЛИ

Лучами светлыми валки —
С окраины села до солнца.
Еще дымятся вдоль реки,
Но ветер к ним уже несется.
Покачиваясь чуть, идет
Комбайнер к запотелой фляге —
И жадно, долго, гулко пьет
Он струйку семицветной влаги,
В ковше ладоней — спички свет.
Дымит дешевой сигаретой...
Вздохнул — и в стан. Минуты нет!
— Земля, и ты потеешь летом...
...Идет в поля — и что ни шаг,
Под тяжестью походкой скорой
Источник брызнет: жизни знак...
И у земли открылись поры?
Все меньше шелковых валков,
А на току бурты все выше.
У нас в селе закон таков:
Чем чище поле — совесть чище.

Я тоже на поле. В страду
Ядреней от земного пота
И слово зреет. Песен жду!
Идет тяжелая работа.

На бронзовой стерне — дороги глянец.
Дождь паутины —
Нити серебра.
Взлетели гуси гулко. Трав багрянец.
Конец страды. Осенняя пора.

Парнишка — и усталый, и счастливый —
Уходит с поля.
Всюду тишина.
Их трое — об руку идут неторопливо:
Он, солнышко и девушка одна.

Идут... Венки колосьев у обоих,
А над землей —
Из солнечных колец
Венок... Мир переполнился любовью,
Как будто двое стали под венец!

Высоко в небе гуси пролетают —
Как лебеди,
По-над селом висят.
Ведет вожак сверкающую стаю —
На пары разделившийся косяк.

БАННАЯ

День субботы долгожданной!
Баню топит мать с утра.
Ворожит сноха у чана,
Шпарит веники сестра.
И у бабки работенка —
Цедит пиво из бочонка.

Банька, эй! Топись скорей!
Аяр-аяр-аяр-эй!

Ну, пора! И по порядку
Первым мой отец идет.
Упирает в стену пятку,
Хлещет спину и живот,
И сползает, обессилев,—
Угорел, но всех счастливей!..

— Эй, тащи студеный жбан!
Аяр-аяр-аяр-ян!

Веники сестра связала,
Мужу целый куст дала,
А тому все пару мало —
Листья об пол! Ну дела!
Градом пот. Что ж, мой черед.
Проходить пора вперед.

Ну-ка, жару поддавай!
Аяр-аяр-аяр-ай!

Дед вошел. Ведром шарахнул
Прямо в печь. Вот это пар!
Так и сел я — только ахнул,
Тело охватил пожар,
И нырнул я с головой
В кадку с ледяной водой.

— Жарко! Холодно! —ору.
Аяр-аяр-аяр-уу!

А пока пришел в себя я,
Воду остудил мой брат:
— Банька хороша сухая
Для того, кто не женат! —
И хохочет. Я ж, немытый,
Выполз, как щенок побитый.

Вот так баня! Смех и грех!
Аяр-аяр-аяр-эх!

А подружка в час свиданья
Мне сказала: «Не тужи!
Скоро свадебная баня,
Так что — веники вяжи!»

Будет пар да будет жар —
Аяр-аяр-аяр-ар!

Н. А.

Как села хороши! Как звонко их зовут:
Ялáвыр, Пилербю́ль да Чиешнé и Мéнче,
Чулпáн и Ягаэ́ль... Я раньше знал их меньше —
Теперь, как сон, они во мне живут.
Река. Долина зелена, ровна.
Здесь даль звенит! Хоть нет ключей звенящих,
Здесь, у озер, в тени деревьев спящих,
Поет тростник, дрожащий как струна.
Вода на дне бездонного колодца
Студена и сладка, как свежий мед:
В жару язык нежданно обожжет —
Кто из резного ковшика напьется.
Здесь чужака из дальнего села
Встречают как соседа или брата;
Округа так же ветлами богата,
И так же птичья песня весела.
Земля щедра настолько, что она
И в засуху все так же плодоносна.
Не жухнут травы. Над равниной росной
Восходит рано солнце. Тишина.
«На гребне жизни человек всегда...» —
Здесь говорят улыбчиво и мудро.
Особенные росы здесь под утро.
И ближе кажется своя звезда.

ДЕНЬ СЧАСТЬЯ

Неужто я забыл?.. Да что со мной?..
Нет, не забыт тот день благословенный:
Вот многоцветной световой струей
Мелодия взметнулась ввысь мгновенно.
Исчезло притяжение земли —
Летит, летит, струной звенит в полете
Нить паутины — и поет вдали
На сокровенной и высокой ноте.
Пушинка малая с родных полян
Взлетела невесомо и беспечно,
Меж небом и землей вздохнул орга́н,
А в сердце, в мире — эхо бесконечно...
Нет, не забыл... Все так же, как тогда,—
И легкость та же, и доверье то же.
И только их причина — вот беда!—
Мне не ясна... Придет догадка позже?
И я парю, как песня, невесом,
Меж синью неба и озимым полем,
Гонюсь за тем, непозабытым днем,
И тщусь вернуть то, что вернуть не волен...
...День был таким же... Надо мною власть
Он сохранил. Но — чувствую иное:
Не умиление, а жажда, страсть
Мне нынче сердце обжигают зноем...
Мед приторен; как прежде, горек яд,
И не пойму, что душу окрылило:
Что сжатый хлеб уже в тепле хранят?

Что наливаются побеги силой?
Уж не разгадка ль сути бытия
Здесь, в поле? За погостом, на пригорке,
Из каменного нового жилья
В ночь смотрят окна, веселы и зорки...
Вот-вот вспорхну — пушинкою с листа —
Туда, где — как тогда! — меня ждет чудо.
День счастья, тени превратив в цвета,
Меня ведет — он виден мне отсюда.

В пору первых осенних утрат,
Когда холод нагрянет нежданно,
Удивленно отметит твой взгляд,
Если в поле окажешься рано:
Край дороги от инея бел,
Но не вянет зеленая озимь,
Лес пока еще не поредел,
В листья жáру подбросила осень.
Воздух свеж — в чем же тайна его?
Хоть целителен — это бесспорно —
Грусть рождает, невесть отчего,
Будто что-то в нем вправду тлетворно.
...Здравствуй, новь, а былое — прощай!
Но, воздав и тому и другому,
Ты душой ощутишь невзначай
Холод, прежде тебе незнакомый.

Береза белая, моя сестра,
Не разлюби меня, будь вечно рядом,
Дружи со мною, будь всегда добра,
И красотой, и чистотою радуй.

Ты зелена — и снова молод, я,
Тебя изранят — гневом я пылаю.
В тени твоей и тень моя
Себе совьет гнездо, я знаю...

Как щедро чуткостью ты одаряешь нас!
Благодарю тебя я, как умею,—
Все доброе становится тотчас
Вблизи березы в сотни раз добрее.

Ты скромностью хвастливого смиришь,
Печального утешишь, словно сына.
Ты нас своим величьем не коришь,
Хоть достает до облаков вершина.

Снега на белых ветках хороши,
Пожаром красок осень отшумела.
Дымит избушка под березой белой —
Узнать бы, кто там царствует в тиши!

ПОПУТЧИЦА

Выполз автобус-экспресс из райцентра мало-помалу
И в город заторопился, о чем-то своем тарахтя.
Поглядываю на спутников, которых судьба мне послала,
И каждый загадка — старик, молодуха, дитя.
Вот руки отца лопухами — на них росинкой ребенок;
А мать задремала тревожно — она и в гостях устает.
Старик едет с кладью сладкой: сидит, обхватив свой бочонок
Оса в пропыленном луче — покоя ей мед не дает.
В толстый роман уткнулась доверчивая девчонка —
Смахивает украдкой слезинки чернёный след.
Мужчина с набитым портфелем посапывает тихонько.
Транзистор ожесточенно трясет мой дотошный сосед.
...Первая остановка. Втащив, задыхаясь, корзину,
Женщина пожилая села напротив меня.
Закончив дорожные хлопоты, скарб под сиденье задвинув,
Руки на отдых устроила, будто их силу храня.
Темная кожа в морщинах, туго взбитые жилы —
Не тело — осенняя пашня, которой неведом досуг.
Из крови, огня терпенья, земли — суровой и милой —
Изваяна, думаю, пара этих прекрасных рук...
Но вдруг, будто сноп лучей, что в туче, бывает, проснется,—
Может быть, просто в автобусе переменился свет? —
Я вижу не две руки, а два ослепительных солнца,
И вышитый передник сиянием их одет...

В автобусе запах яблок. Все так же хрипит транзистор.
Юнец гитару терзает, свесив пышный вихор.

Как прежде, дитя-непоседа на отцовских коленях резвится,
Свою дорожную песню мерно ведет мотор.
Молча глаза прикрыла женщина пожилая,
Может, в минуты покоя вспоминает былое она.
Сижу я, благоговейно за солнцами рук наблюдая,
И подступает к горлу признательности волна.
И вдруг для себя неожиданно нагнулся я и украдкой
Губами слегка коснулся этих слепящих лучей...
— Ну-ка, ямщик лихой, попридержи лошадку,—
И женщина вышла поспешно и встала среди полей.
А я заметался и вслед ей: «Я не нарочно, ей-богу!
Куда же вы? А яблоки? Ты яблоки не взяла!»
— Бери, сынок! Тебе они!.. Это вам на дорогу...—
И улыбнулась растерянно. И, отвернувшись, пошла...

Снова урчит автобус. Пригубив свежести летней,
Попутчицу тароватую хвалим наперебой.
Она все меньше становится, все меньше и незаметней,
Как придорожный камень, оставшийся за спиной.

Осень день за днем тускнеет, чтоб зимой смениться ранней
Солнце на прозрачных ножках никнет, убавляет свет.
Чем лучи его скупее, тем тепло его желанней,—
На завалинке блаженно дремлет на припеке дед.
Чтобы ноги не ломило — валенок подшитых пара;
Вытертый тулуп овчинный, селек * служит сыспокон;
Солнышко морщины греет, щурится по-детски старый,
Улыбается чему-то, будто погруженный в сон.
Мельтешат, пророча холод, кумушки-коровки божьи,
В трещинах стволов дубовых прячут яркий свой наряд.
Поздние цветы увяли, пчелы не летают больше,
Не гудят и не хлопочут — улья до весны проспят.
Ветер дунет — и тотчас же глухо стукнут о дорогу
Яблоки, дозревшим соком налитые — тук да тук!
Вздрогнет дед: «Ну кто там снова носом тычется мне в ногу?»
Но глаза открыть не в силах — пустяки, случайный звук!
Ты ж гадаешь: что он видит, что таит в своем молчанье?
На беззубую улыбку ты дивишься вновь и вновь.
Вдруг догадка... Ну конечно! Это чуда ожиданье...
И сильней трепещет в сердце к красоте земной любовь.

---

* шапка. *(Чув.)*

Спешат опасть червивые плоды.
А те, что целы,— осени дождутся.
Ты не спеши за паданцем нагнуться,
Не поднимай — напрасные труды.
То, что к ногам упало до поры,
Не дорого. Высокое — награда.
Терпи и жди: и осень будет рада
Нам подлинные поднести дары.
...Мои стихи, вы зреете, как плод:
Днем — солнце, по ночам—звезды дрожанье.
Не трогайте, не рвите песни ранней:
Того гляди, оскомину набьет...
Нальется соком брызжущим медовым,
Теплом призывно дрогнет изнутри —
Теперь его, мой добрый друг, сорви
И насладись осенним, зрелым словом.

Один не видит то, что под ногами,
Другой — зовущих далей синий круг!..
Что делать, если зренье шутит с нами:
Иль дальнозорок ты, иль близорук...

Любой из нас — мир, созданный впервые:
В нас—бездна, ширь, нам выси по плечу!
Пускай очки я нацеплю двойные —
Но разве все я взглядом охвачу?!

ЛЕГЕНДА

«В тот ключ, откуда люди пьют, не плюй!» —
Ему недаром тыщу раз твердили.
Но он не пощадил прозрачных струй,
Глупец,— слова его не убедили.
И от его зловонного плевка
Вода ушла и скрылась под камнями.
В селе не будет больше родника,
Деревьям больше не шуметь ветвями.

Безумец, на себя навлек позор.
Ему сказали люди, негодуя:
«Ты ключ наш отравил, и с этих пор
Ты сам себе избрал судьбу такую:
Оставь село, не приходи назад,
Покуда новый ключ ты не отроешь!..»
...И вот, иссохший, много лет подряд
Дробит он камни под крутой горою.
Когда ж пробьется хоть одна струя?!
А зной такой, что некуда деваться.
Страдалец стонет: «Плеск твой слышал я —
Так где же ты? Не хватит ли скрываться?
От жажды умираю. Мучит стыд.
Хоть сам живьем заройся в эту яму —
Тогда и человек не оскорбит,
И ключ не будет убегать упрямо...»

Ложбина. Кто-то мимо проходил
И надпись выбил на скале наклонной:
«Он, жалкий, плюнул в ключ, откуда пил,
И умер, выпив свой плевок зловонный»,

Бывало, на крылья саней-лебедей
Вставал и с разбойничьим гиком
Летел я бескрайним раздольем полей,
И снег заносил меня мигом.
Я помню, как фыркала лошадь в снегу,
Полозья со скрежетом пели,
Озябну — и вслед за санями бегу...
Все помню, все помню доселе...
...А нынче все той же дорогой ползет
Навстречу мне воз высоченный.
В снегу слитком солнца сияет омет,
А сверху — сельчанин степенный.
Уверенность, сила в его красоте,
Весь в инее, горд и осанист.
И, вправду, я думаю, на высоте
Себя ощущает крестьянин.
Громада ползет, снег рыхля голубой,
Как памятник, в бронзе отлитый,
Вот-вот пик земли увенчает собой...
Кричу я: «Ворота открыты!»

Я утром хмурым говорю, вздыхая:
— Да, брат, прозрел, смирился и устал.
Я юность пережил, бесстрастен стал,
И жизни бренной все секреты знаю...

А вечером, труда окончив бденье,
Я сам смеюсь охотно над собой:
— Дитя! Лишь началось твое прозренье —
Смотри: светлеет то, что было тьмой.

Ищи творцов и их творенья всюду,
И ты вовек не будешь одинок.
Поверишь ты и творчеству и чуду.
Жизнь расцветет, как утренний цветок.

ЧУВАШСКИЙ КАРАВАЙ

— А что посеешь, то ты и пожнешь,—
Нас прадеды седые поучали.
Веками солнце жгло, и падал дождь,
Чтобы колосья на полях крепчали.
Кругла земля под круглою луной,
«Круговорот природы мудр и стоек»,—
Подумал я, когда передо мной
Небесной скатертью накрыли круглый столик.

О люд земной! Как мудро дарит он
Земле живые солнечные зерна!
И каравай наш кругл, как небосклон,—
От прадедов завещанная форма.
Земля, луна и солнце — точный круг.
Во власти притяжения земного
Мысль кружится, когда мы водим плуг
Иль тесто месим, иль рождаем слово.

Одно село вмещало мир вполне.
Столетья шли... Но вот душа немая
Вдруг взорвалась!.. Крестьянин спит, во сне
Всю круглую планету обнимая.
Он и во сне твердит: — Не уставай,
О человек, со злом бездарным биться!
...Не оттого ль чувашский каравай,
Как шар земной, как горизонт, круглится?

Свет дальних звезд струится сквозь меня,
Мерцает он во мгле моих зрачков.
Непостижимой музыкой маня,
Миры мирам свой посылают зов.
Кто слышит — тот загадочной тоской
Навеки пойман. Чуть угаснет звон,
Горит от жажды, словно путник в зной.
Нерасторжим отныне с небом он.
Бедняк, кто не знавал того огня.
Забывший зов, навеки сирота.
...Свет дальних звезд струится сквозь меня,
Во мгле зрачков рождается звезда.

Зная — земле и воде нет цены,
Не торговал ни золой, ни росою.
Не был стервятником, алчным мурзою —
Нет, не позорил родной стороны.

Зная — не стать выше солнца, луны,
Не изводился гордыней пустою.
Не унывал и лихою порою,
Верил — злосчастья часы сочтены.

Зная, что нет хлебу-соли цены,
К людям с ковригой я шел золотою.
Солью делился, схватившись с нуждою,—
Нет, не позорил родной стороны.

Зная — родителей чтить мы должны,
Имя я их не пятнал дорогое.
Верил в их речь, сбереженную мною,
Верил: слова мои людям нужны.

ЖДУ ВЕСТЕЙ

Жду хыбар * я с утра до утра
От далеких людей и от близких,
Жду от милой короткой записки
(Буду завтра я ждать, как вчера!),
Жду от друга большого письма —
Жду от каждого ласковой вести...
Жду тебя я, Надежда сама,
Жду печали и радости вместе.

Жду вестей! С материнской руки
Упорхнуло письмо, словно птица:
Мать всегда самой первой стремится
Сообщить, что хлеба высоки;
Кто из мира ушел в никуда,
Кто родился, кто с братьями вместе
Дом построил большой у пруда...
Знает мать моя цену известьям!

Жду вестей! И ловлю поутру
Звон курантов — столица проснулась,
Бодрость вечная сердца коснулась,
Мир прислушался снова к добру.
А под вечер включаю опять
Голубое окно, чтобы снова
Всю планету глазами обнять,
Слушать космоса тайное слово...

---

* весть.

Жду! Мне добрую весть подавай!
Но нежданно врывается злая
(Сердце болью живой разрывая) —
Мир сражается, не забывай!
...На исходе уж лето мое,
А все больше вестей в нем певучих.
Жизнь, скажи мне, дождусь ли ее,
Вести — самой заветной и лучшей?!

Прекрасные мгновенья вечной жизни

Поэма

1 Прекрасные мгновенья вечной жизни:
Всё в нас, живущих,— вечная весна,
Жар лета, щедрой осени сюрпризы,
Зимы задумчивая седина.
Земля то в стужу нас, то в зной ввергает,
Расти, взойти, исчезнуть помогает,
Размеренный времен круговорот —
В одном витке земли один наш год.
Жизнь человека с жизнью года схожа:
И в ней есть осень, и весна, и лето,
И вечный есть покой, в снега одетый,
Для тех, кто под землей находит ложе...
Но мудр и славен наш удел земной —
За годом год встречаемся с весной...

2 За годом год встречаемся с весной —
И каждая приходит только раз,
Но вечно в памяти живет у нас,
Коль мы еще не умерли душой.
...Мелодия капели — вновь весна.
Кому не мил ее ребячий облик!
«Живое, пробуждайся!» — легкий оклик,
А вот и кисточку берет она,
Чтоб нивы перекрасить и леса...
Журчат в ручьях снежинок голоса.
Эй, пой и лейся, талая вода!
Строку на твой могучий лад настрою.
Стволы набухли соком под корою,
Вот-вот взорвется почка — и тогда...

3 Вот-вот взорвется почка — и тогда
Цветной туман над лугом воцарится,
Возьмется нас дурманить без стыда,
И, встрепенувшись, оглушат нас птицы...
Ну а пока... Пока галдят лишь галки,
Да грай грачиный слышен за селом.
Пока еще наряд на ветлах жалкий,
Но все ж зима отходит день за днем,
Еще поутру стелет снежный пласт,
Но хрупким сделался хрустальный наст.
Когда ж топить очаг свой солнце станет,
И золото соломы и половы,
И сена медь здесь засияют снова —
По снегу не промчатся больше сани.

4 По снегу не промчатся больше сани —
Дороги зимней будто не бывало.
Просохнуть дерн торопится заране,
В полях весенней пахоты начало.
Черна дымящаяся борозда,
Как нового стихотворенья строчки,
И солнце остроглазое до ночки
Легко читает эту песнь труда.
Не чудо ли?.. Мы стих сравним с зерном,
Но нам судьбой такое не дано:
Из тыщи слов строку мы создаем —
Даст тыще зерен жизнь одно зерно...
Что ж! Каждому свое! Но цель одна:
Хотим надежды сеять семена...

5 Хотим надежды сеять семена
И в нашу землю, и в сердца людские —
Пусть зреют всходы и плоды тугие!..
Нас будоража песнями, весна
В час сумеречный ласково синеет.
За лугом пойменным, за суходолом
То с рокотом тревожным, то с веселым
Моторы трудятся — и все слышнее
Песнь иволги — неверная сначала,
И робко, и прерывисто звучала:
Казалось, птица шумом смущена —
И вдруг решилась, залилась она!
Все прихотливее оркестр села:
Заслушаешься — глядь, заря взошла!

6 Заслушаешься — глядь, заря взошла,
А к сенокосу так она росиста,
И аромат ее так свеж, неистов —
На сквозняке хмелеешь от тепла!
Шалаш простой, медвяным духом полный,—
От сена или от волос льняных?
Их дуновенье на губах моих,
И небо вниз струится сквозь их волны...
— Вжик! Вжик! — косы безжалостное жало
Сверкает, не скрывая торжества,
И вот полынь-травы как не бывало,
Прощай, дурман-трава, плакун-трава!
Но прочь, коса! Измучил зной нещадный.
Ныряем в омут, тихий и прохладный.

7 Ныряем в омут, тихий и прохладный,
Над нами месяца восходит нож.
Бормочет что-то краснотал невнятный,
От зависти его бросает в дрожь.
Во влаге обжигающей плывем,
Ликуем, плещемся с тобой вдвоем,
Как будто навсегда облюбовав
Покой воды, ее капризный нрав —
И даже жутко чуть от благодати,
От этих неземных-земных объятий...
Воды, земли и неба волшебство,
И ты!.. О чем мечтать, желать чего?
...В тот миг, когда стихии злые спят,
В природе все — гармония и лад.

8 В природе все — гармония и лад:
Колосья желты, розовеет сад,
Мгла отслоится — и придет страда,—
Миг страстного, горячего труда.
Не полотно ли ткут станки стальные,
Взрезая рожь густую челноками?..
И солнечные иглы золотые
Узор, таинственный, как в древнем храме,
С утра выводят... Как нетерпеливо
Тебя, страда, я ночью ждал и днем,
Чтобы моя, родная с детства, нива
Заколосилась, налилась зерном...
Будь радостью, высокой и простой,
Пора страды — прекрасный труд земной!

9 Пора страды — прекрасный труд земной!
Ломитесь, закрома! — наш вклад бесспорен
...Вот на току сугроб крупинок-зерен,
Он золотистый, искристый... живой!
Мать режет хлеб, прижав его к груди,
Да так, как мы, мужчины, не умеем;
Вот ломти солнца на столе... Гляди,
Что на земле душистей и вкуснее,
Что их дороже!.. Разве позабуду
Мгновенья те?!. Но воле вопреки,
Мне соль запорошила вдруг зрачки,
И кажется, не возродиться чуду...
В воспоминаньях не пройти бы мимо
Земли родной — и щедрой, и ранимой!

10 Земли родной — и щедрой, и ранимой —
Коснулась осень, подойдя незримо,
И на поля у ближних деревень
Уже легла сиреневая тень.
Нарядом бальным зашуршал тростник,
Склоняясь в танце, ежится от стужи.
На лысине холмов седой парик,
И пленкой вышитой покрылись лужи...
Искусный мастер — осень: только блик
На листья бросит — те желтеют вмиг
И — с глаз долой, как старые эскизы...
Надело солнце дымчатые ризы,
И капля на него взирает смело,
Еще не зная своего удела.

11 Еще не зная своего удела,
Цветок горит, не верит холодам.
Как женщина, что алое надела,
Хоть ей оно уже не по годам...
Таков ты, человек: проходит время,
Но свежесть чувства не утратил ты.
Пусть возраста ты ощущаешь бремя,
Не гаснут в сердце юные мечты.
...Но чем заметней лу́га увяданье,
Тем явственней тревога прорастает,
И проносящиеся в небе стаи
Кричат: «Прощайте!» Шепчем: «До свиданья...»
Печальные приметы ловит глаз.
Те дни тоскою заражают нас.

12 Те дни тоскою заражают нас —
«Межвременьем» прозвали их в народе.
На сумерки похож рассветный час,
Лишь чернобыльник стынет, озимь всходит,
Да влажная мерцает паутина,
Роняя капельку, звенит протяжно...
Томление... Унылая картина...
О чем-то ворон возвещает важно,
И отвечает эхом многократным
Ему с готовностью похвальной чаща —
Мне кажется, как в детстве безвозвратном,
Что в небе гулко дышит конь летящий.
И нет границ у этой наготы.
Поля пусты. Свободны и чисты.

13 Поля пусты. Свободны и чисты.
Но прелесть есть своя в поре тоскливой.
Густой туман ползет с лощин, с обрыва
И банным паром обдает кусты.
С рябины, будто сок, роса течет.
Чуть тронут холодом созревший плод.
А на отаве дымчатой поляны
Стада чернеют и костры горят
Огнем неярким. Пахнет зябь духмяно,
А копен золотистых ровный ряд —
Как хлеб, что только-только из печи,—
Еще струит горячие лучи.
...А вот и ночь. Покой и тишина.
Как мирно светят звезды и луна!

14 Как мирно светят звезды и луна!
Тебя встречает красок новизна
В лесу осеннем. В сказку попадешь,
Лишь в гул его задумчивый войдешь.
Лучи мерцают, бледный свет струят
Сквозь листьев прихотливое сплетенье,
Парят деревья, облачившись в тени,
И что ни миг, меняют свой наряд...
Но ветер вдруг, откуда ни возьмись,
Меня сбивает с ног, уносит в высь,
Как пламя, налетает листопад
И, кажется, беду накликать рад.
...Тропа шуршит и прочь меня ведет.
Над шумом леса занялся восход.

15 Над шумом леса занялся восход,
В глухие заросли проник он взглядом.
А вот и березняк: под листопадом
Кружит красавиц белых хоровод.
Ну что ж, родные, с песней понесемся
По ходу солнца, после — против солнца,
Как на гуляньях сельских в старину!
В ответ я слышу только тишину...
Глаза слепит и сушит рябь стволов,
Как будто это снег иль солнца слитки.
«Проснитесь, милые!» — кричать готов,
Но знаю, что напрасны все попытки...
Ни звука в хмурой белизне осенней:
В природе месяц жертвоприношений.

16 В природе месяц жертвоприношений,
И вот осенних нет уже сомнений.
Вновь чистота и свежесть снегопада,
Кровь взбудоражена, глазам — отрада.
И вот уже межзвездные алмазы
Снежинок настругали миллионы,
Чтоб черноту прикрыть повсюду, разом —
На скатах крыш и в роще оголенной.
...По белому — рябины красной строки,
На снег она роняет ягод бисер,
Которые совсем уже не го́рьки,
И резвым снегирям так полюбились.
Лес дремлет величаво в снежной стыни.
...Мысль искрометна, точно звездный иней.

17 Мысль искрометна, точно звездный иней,
И не пора ли осознать отныне,
Что — несущественно и быстротечно,
А что — нетленно, сокровенно, вечно?
И помня, что весеннее цветенье
Прогонит долгое оцепененье,
Не уступать поспешности минут,
Тщете, творящей свой неправый суд...
Я поддаваться панике не стану —
Поверить не могу, что силы злые,
Земные и, быть может, неземные,
Набросятся, подобно урагану...
Огонь я лучше разожгу лучиной —
Люблю я жар в печи зимою длинной.

18 Люблю я жар в печи зимою длинной,
Люблю войти в радушный сельский дом,
Где все живут заботою единой,
Где все — родня, где я с любым знаком.
Я снег метелкой лысой с ног стряхну
И малахай свой с головы стяну,
Всем поклонюсь я — и с порога кратко:
«Здоровья вам, успеха и достатка!»
Бывает, что без рюмки гость не в духе,—
Я рад и влаге родниковых вод,
Хотя... не откажусь от медовухи,
Беседа с ней свободней потечет,
Метелью доброй речи закружа́т,
Когда хозяин мудр и тароват.

19 Когда хозяин мудр и тароват,
Когда трещит огонь в печи-камине,
Беседы наши жарче дров горят,
И собственных невзгод нет и в помине:
Хлеб, долг, земля — одно волнует всех,
Как жить по правде-совести. В запале
Схлестнуться в споре дружеском не грех —
Вот разом все, как гром, загрохотали...
Дымим без передышки допоздна,
И на огонь не можем наглядеться.
С бывалым, все познавшим земледельцем
Мне нелегко — и манит новизна.
Что ж, будем славить обновленный труд!
Всех возрождение и свет влекут.

20 Всех возрождение и свет влекут.
Забота хлебопашца — изобилье.
Собравшись в тесный круг, сельчане пьют
За то, чтоб все лишенья мы забыли.
Застолье доброе — и жизнь светлей:
Румяный хлеб, душистый суп куриный —
Пора, хозяин! Провожай гостей!
Дойду ль до дома? Благо, путь недлинный
...Пергéнчек * инея на зябкой иве,
Невесту пробирает холодок.
— Давай-ка ей преподнесем цветок —
Волшебный, зимний, всех цветов красивей!
И чувствуя, как все вокруг добры,
Вторгаюсь в мир обрядовой игры.

---

* покрывало, фата.

21 Вторгаюсь в мир обрядовой игры.
Как свадьбы на земле моей щедры!
И я пою, в кругу пускаюсь в пляс,
Со всеми связан радостно, любовно.
И вот за стол зовет хозяйка нас:
Попробуй отказать — обидишь кровно.
— А ну, налейте медовухи старой
Тому, кто опоздал, забыл друзей!
...Забыл?! Молчу... Что ж, по заслугам кара
Хоть клясться в дружбе я готов своей.
Сидеть бы так до зорьки — да обидно,
Что голова кружится беззащитно:
Рушник мелькает с вышивкой богатой...
И та, которую любил когда-то!..

22 И та, которую любил когда-то!..
Все та же прелесть, только стать степенней.
...Угар черемухи в лучах заката,
И ночью — иволги хмельное пенье.
Цветов охапку не нарвать ли снова
И не пустить ли по реке венок?
На горке клятвы у костра ночного —
О если бы я повторить их мог!
...Глядеть глаза в глаза невмоготу.
Стоим, одолевая немоту.
Невыносим воспоминаний бег...
Засыпь следы скорее, чистый снег;
И сжалься, ниткой медною прошито,
Полу́ночных небес густое сито!

23 Полу́ночных небес густое-сито,
Просеивай осколки звезд слепых —
По ним ступать мне, раниться о них
И ослепляться тем, что пережито.
Всё сыплет, сыплет сердобольный снег,
Ложится у знакомого окна.
Какая ночь! Какая белизна!
Тебе в ней все открыто, человек,—
Непостижимость синевы густой
И звездами мерцающий зенит...
Пусть зимний холод тело леденит,
Но от любви согреемся душой.
Любовный ковш лишь раз мы пьем до дна:
В году бывает лишь одна весна.

24 В году бывает лишь одна весна.
И в нашей жизни юность лишь одна.
Так пусть останется незамутненной
В воспоминаньях, чтобы в час бессонный
То чувство — первое! — в душе проснулось
И выстраданной строчкой обернулось.
Невысказанность — нет страшней мученья,
И кажется, мы на земле одни...
Но снова видим таинство цветенья,
Весенние опять приходят дни,
Влечет нас ясность — бодрая, живая—
Вселяя веру, память обновляя...
Не оттого ль так ценим мы его —
С природой сердца нашего родство.

25 С природой сердца нашего родство
Лишь в зрелости дано нам осознать
И часто — слишком поздно! Оттого
Былых ошибок непосильна кладь...
Непреходящ земной круговорот —
Весна и лето, осень и зима —
Нас превращеньями балует год:
Жизнь человека — та же кутерьма.
Росток проклюнется, листву расправит,
Уйдет, но семена и плод оставит —
Рождается и зреет человек,
Состарится — уйдет, прожив свой век.
Так что это — родство, уподобленье?
Иль без уступок вечное боренье?

26 Иль без уступок вечное боренье
Меж человеком и душой природы?
Как знать?.. Ко мне счастливое прозренье
Не приходило в молодые годы.
Я зрелости переступил черту —
И вот со всем живым наедине.
Теперь и лес, и поле дарят мне
Свою отзывчивую красоту.
Природу время обновляет вечно,
Меня отождествляя с ней беспечно
И мне чудесный мир ее даря.
Сливаюсь с ним, в избытке чувств горя:
Весной и летом, осенью, зимой
Все краше кажется мне край родной.

27 Все краше кажется мне край родной
Из года в год. Не ведая опаски,
Взлететь, парить бы надо всей землей,
И зажигать бы радужные краски,
Светилу всемогущему подобно...
Но нет — свое бы разглядеть подробно.
...Вечернее село, где все знакомо.
Старуха, словно тень, спешит навстречу,
Выкладывает душу, как родному,
Как принято у нас... Что ей отвечу?
— Скажи, откуда разница такая —
Есть в людях доброта, есть сила злая!
Один мой сын далёко — сеет, пашет,
С проклятым зельем дружит тот, что старше...

28 С проклятым зельем дружит тот, что старше.
Невзгоды принимая и лишенья,
Сынов растила... Слово утешенья
Кто горемычной, кто болезной скажет?
Кто материнское излечит горе?
Умел бы — не жалел бы я усилий.
«Червь в яблоке — болит и ствол, и корень»,—
В народе нашем прежде говорили.
...Метет метель. Морозно снег дымится.
Сейчас пурга закружит, прочь погонит.
В избе холодной старая томится:
«Умру — родня чужая похоронит...»
Меня мильярдами иголок раня,
Огонь зарылся в пух, исчез в буране.

29 Огонь зарылся в пух, исчез в буране,
Дорогу замело, а снег валит,
Беду иль свет удачи мне сулит,
Иль тропку, проторенную заране?..
Душой моей блаженство овладело —
Внимаю вою ветра, будто песне.
Не заблужусь ли? За стеною белой
Клубится дым в неразличимой бездне...
И мысли в голове кружат, как вьюга,—
То веселят, то душу леденят,
Цепляются упруго друг за друга,
Как эта ночь, уняться не хотят.
...Но все ж пора! Утих буран к утру.
Земля сияет, будто на пиру.

30 Земля сияет, будто на пиру,
В уборе ярком солнечных снегов.
Глядишь на синий кров без берегов,
И кажется, что все к весне, к добру.
Но это — ложная весна покуда:
Бывает в декабре такое чудо —
В сосульках острых вдруг взыграет пламя,
Теплынь короткая и гололед.
Как в сказке, поджидаешь Новый год...
А вот мой дед-язычник вместе с нами
Божков забавных клеит день-деньской
Из тряпок и соломы золотой...
На масленице лунное катанье.
Все помню, хоть в полжизни расстоянье.

31 Всё помню, хоть в полжизни расстоянье:
От сокровенного куда мне деться?
Звенит, звенит снежок веселый детства —
Поры рассветной чистое сиянье.
Что было, то давным-давно прошло,
И жаль — не будет к прежнему возврата...
Но оглядись: как славно, как светло!
И словно в детстве, ясен день крылатый.
Не помышляю будто о весне.
Привык к зиме... Забавно видеть мне,
Как бесноватый ветер на лету
С березы сносит ветхую фату...
Но снова, жажду снегом утоля,
К лучам горячим тянется земля.

32 К лучам горячим тянется земля —
И в этом непреложном притяженье,
В кружении и тайном приближенье,
Опять надеждой душу веселя,
Родство отыскиваю по приметам:
Вращаясь вкруг светила постоянно,
Земля перемежает зиму с летом,
Чтобы всему живому неустанно
Помочь взойти, а после расцвести,
И спелым злаком в землю вновь уйти...
Не знаю только, на каком витке —
В холодных льдах, иль в солнечной реке
Исчезнет жизнь... И сколько тех витков
В моей судьбе — с весны до вечных льдов...

33 В моей судьбе — с весны до вечных льдов —
Одна лишь жизнь... А то, что день суров,
Иль радостен, что есть добро и зло —
Зависит от мгновений жизни этой:
Зимой бывает мрачно — и светло,
Есть друг—и враг найдется, как ни сетуй..
Но зазвенит весенняя капель,
И хлынут соки к ниве пробужденной.
Я жду и наблюдаю умиленно
Буран грачиный и скворцов метель,
Жду, как друзей ждем в гости издалёка...
Так разве назовешь судьбу жестокой?!
Хоть жизнь моя близка к поре осенней —
Весеннее в себя вбираю пенье.

34 Весеннее в себя вбираю пенье,
Пусть разливается за трелью трель.
Неброское люблю я оживленье,
Лесов струящуюся акварель.
Снега своею песней лебединой
Ручьи озвучивают, и взывает
К весне последней старая осина...
Что стуже не сдалось, все оживает...
Следы хрустальные растают скоро,
Но ты уйми, береза, слёз поток —
Пусть превратятся снежные узоры
В подснежник — ласковой поры цветок...
Так мчатся, не доступны укоризне,
Прекрасные мгновенья вечной жизни.

Илемби

Из «Красной книги любви».

То было первое Ее явленье:
Под невесомым белым покрывалом
Она дремала в пене облаков.
Узнал — Она! — мечты осуществленье...
Но облака столкнулись с темным шквалом,
И разметался пуховой покров,
Видение прекрасное стирая.

Потом возникла в дымке отдаленной,
Зелено-синей... Легкою походкой
По лугу шла среди цветов и трав.
Покачивался в лодке ветер сонный...
Вздохнул рассвет над старой, ветхой лодкой,
Туманом белым горизонт обняв,
Видение прекрасное стирая.

Тоскую и зову... Неужто даром?
На девушку, что встретится случайно,
Гляжу с тревогой: может быть, Она?
Глаза мне разъедает черным жаром —
Ищу Ее, окутанную тайной,
И верю, что нам встреча суждена,
Черты Ее прекрасные теряя.

Есть купол неба. Есть надглазий купола.
Кто красоту искал — к тому она пришла:
Она в пронзительной игле ростка,
В ручье зеленом, в желтизне песка,
В огне дрожащем, в ткани лепестка,
В птенце, впервые взмывшем в облака...
Есть купол неба. Есть надглазий купола.
Кто красоту искал — к тому она пришла.

Она в пронзительной игле ростка,
В ручье зеленом, в желтизне песка...
Но к восхищенью был ли я готов,
Пока не встретил ту, что из цветов
Лесной венок сплела однажды мне?
Мне кажется, я видел не вполне
Пронзительное острие ростка
Ручей зеленый в желтизне песка.

Огонь, дрожащий в ткани лепестка,
Птенец, впервые взмывший в облака,
Я вас не знал, пока не расцвели
Ее глаза — что всех цветов земли
Прекраснее. Моей вины здесь нет:
Ее глазами я увидел свет,
Огонь, дрожащий в ткани лепестка,
Птенца, летящего впервые в облака.

Пар стоит над лесом, легкий и душистый.
Осень разгорается, как заря ярка.
Бьют меня березы, вымытые чисто,
Вениками, только что из-под кипятка.

Вижу, как стекают с веток струйки пота,
Слышу, как ведут они листьям звонкий счет.
Матовые росы крыты позолотой —
И отава след мой дымный стережет.

Пусть трава нетронута. Но уже лисицей
Занялся над нею пламени язык.
Если б из тумана — из цветного ситца
Кто-то неожиданно предо мной возник!..

Никого? Неужто попусту алеет
В каждой пестрой капле искорка огня?
Может быть, окликнуть? Все надежда тлеет...
Осень или девушка впереди меня?

Ты пришла ко мне, солнцем весенним лучась,
По земле или с неба? Я будто проснулся.
И, почувствовав с жизнью тревожную связь,
Я тепла начал ждать — и опять обманулся.

Сердце вздрогнуло, ласкою возрождено,
Но в лучах твоих нежилось только мгновенье,
Снова сжалось в ознобе, и снова темно
Под ворвавшимся вдруг ледяным дуновеньем.

Может, вправду, весна эта ложной была?
Зимний холод во мне, в моем зябнущем сердце.
Опалило сиянье твое, но тепла
Не почувствовал я: как от льда загореться?

Небо серое снова задернул туман.
Только ель бледным светом дарит меня ныне.
Что ж опять я поддался на этот обман —
На приманку огня?.. Нет его и в помине.

Нет защиты для нежности? Как бы не так!
Глянь на вербу — на ней новых почек без счета.
Кто-то шепчет мне: «Будь осторожен, чудак!»
Но весна... Я опять поджидаю кого-то.

Странно — когда ненароком с тобой встречаемся где-то,
Ты замечать не хочешь рвущееся из глаз:
«Очнись, забудь о печали. Поверь, ты будешь согрета
Тем пламенем сокровенным, что не покинуло нас!»

Тебе в эту пору ласка особенно необходима —
Когда затевает осень свой ветреный водоворот,
Трепещешь, словно березка, что в роще сырой, нелюдимой,
Без листьев-птенцов осталась, отправившихся в полет.

Глаза опустив, проходишь сквозь веток переплетенья,
Бродишь часами в чаще, палой листвой шурша.
Только и там не находишь покоя и примиренья,
Природа, тоску навевая, дремлет, еле дыша.

А я тороплюсь в дубраву и там костер разжигаю,
Подобный тому, который скрыт во взгляде моем,
Сажусь я лицом к тропинке, и так тебя поджидаю —
Но ты... в туман превращаясь, теряешься в поле пустом.

Ночь. В черном небе вспышка. Грохот по всей округе.
Что-то с высот низверглось. Вскочив, протираю глаза.
— Что это? — у дедушки спрашиваю в испуге.
— Наземь,— он отвечает,— скатилась мужская слеза...

Утро. В объятиях солнца—ливень из тучи бездонной.
Двойной трепещущей радугой свод небесный одет.
— Что это? — у бабушки я спросил удивленно.
— Девки да бабы плачут,— она улыбнулась в ответ.

Разум ищет пониманья,
Сердце — состраданья,
Ждут гармонии глаза.
Сны цветные.
Бесприютность.
Крыльев взмах — паденье в бездну.
Пробужденье!
Ликованье!..
Притяжение земное...
Детство.
Отрочество.
Юность.

Невесты поднялись на холм высокий,
Чтобы с него в полет пустить фату.
Следят — и от волненья рдеют щеки:
Куда она стремится на лету?!

Вот три фаты спустились стайкой белой —
Кружат, трепещут над родным селом.
И лишь одна из всех, как лебедь смелый,
Пропала в облаках, взмахнув крылом.

В тревоге губы алые кусая,
Одна красавица глядит ей вслед:
— Какой мне выпал путь? Судьба какая?—
В смятенье шепчет. Кто ей даст ответ?..

Невесты, их подруги, молодайки
Идут с протяжной песней вдоль села.
И лишь одна оторвалась от стайки
И в поманивший лес тайком ушла.

А тот шумел: кручиниться не надо —
Пусть белым снегом упадет фата:
Что осенью ушло в смерч листопада —
Придет с весной, и — оживёт мечта.

С наполненными ведрами,
Красивая, как сон,
Пройдешь, играя бедрами,—
Стою я ослеплен.

Звезда моя!

— Приди,— молю я,— вечером
К пруду, где вяз стоит.
— Не знаю,— дернешь плечиком,—
Мне мама не велит.

Беда моя!

Кружу у дома вашего
Я до утра опять.
В окно вина домашнего
Твоя протянет мать.

Вражда моя!

Но утро переменчиво:
Не поднимая глаз,
Ты вдруг зовешь застенчиво
К пруду меня, под вяз.

Нежданная!

Такие сказочные вечера зима нечасто дарит — но один из них вечно в памяти: его сполохи темной ночью призывно и тепло в душе мерцают... Густая синь прошита звездопадом...

Нет, не сомневаюсь я нисколько:
Это вспомню и на склоне дней —
Звонкие алмазные осколки
С неба пролетают меж ветвей.

Легкие кристаллы высшей пробы
В тишине кружатся под луной.
Чем огромней звездные сугробы,
Тем прекрасней, ярче шар земной.

В воздухе крупинки мирозданья
Зеленью и синевой горят.
Кажется, что слепнешь от сиянья —
Всё в огнях, куда ни кинешь взгляд.

Инеем украсился пушистым
Древней ивы искристый хрусталь.
Дышит чистым паром серебристым
Родничок — и гонит прочь печаль.

С безотчетной радостью ступаю
По тропинке — длинному лучу.

Пригоршнями блестки собираю,
Сыплю на лицо и бормочу:

— Ты меня не выдашь, край родимый,
Защитишь от любопытных глаз:
Нынче на губах моей любимой
Звезды погасил я в первый раз...

Ты взором не отталкивай меня,
И без намеков все я понимаю.
Я сам страдаю, сам себя виня,
И все упреки молча принимаю.
Сказал я сокровенные слова,
Да не хватило такта и уменья,
Сорвалось с языка... И ты права,
Что выразила лишь недоуменье.
Я дерзок был и слишком скороплив.
А девушке положено стыдиться.
Смолчала ты в ответ на мой порыв...
Такое впредь, поверь, не повторится.

С другим ведешь ты нежный разговор —
Ты около и все же не со мною.
...Но почему в твоих глазах с тех пор
Пожара отсвет прячется за мглою?

Семьдесят разных нарвал цветов,
Сплел для тебя я венок тайком.
Он не столь ярок, признать готов,—
Парни слабы в ремесле таком.

Но все ровно ты его надень,
Луч ковыля вдоль бровей приладь:
На смуглоту твою бросит тень
И твоих глаз оттенит он гладь.

Выдали тайну мою цветы —
Слишком пронзителен аромат...
Вспыхнула вся, застыдилась ты,
Но окрылил меня робкий взгляд.

Выронил весла — на дно ушли.
Лодка, качайся, кружись, кренись!
Благословляющий ковш любви
Вдруг опрокинуло небо вниз.

Тронул я трепетную струну —
Гусли поют под моей рукой.
Вздох или музыка над рекой?
Было две жизни — слились в одну.

Соломенные под пушистым снегом крыши, окошки из оранжевого льда—озвученное дряхлым петухом старинное село... Дороги белый дым...

Рыщет-свищет между крыш
Ураган-пурга.
Скучно... Убежать бы в тишь,
В ясные снега.

Где же конь мой вороной,
Сани из стекла?
В щепки — дверь! Душа, раскрой
Два живых крыла!

Эй, пурга, меня не трожь —
Я не так уж глуп:
Колкой дробью не пробьешь
Волчий мой тулуп.

Ямы, рытвины. Весь лес
В темноту одет.
Грусть, тревога... Сон исчез,
Утешенья нет.

Кто мне светит сквозь пургу—
Память... иль Она?

Там лицо?.. Или в снегу
Плещется луна?

«Ждешь в каком селе меня?
У каких ворот?
Ночью и при свете дня
Жди! Наш час придет.

А когда заслышишь рысь,
Так встречай бегом;
Унесемся — притворись,
Что вернешься в дом...»

Конь мой, чтоб набраться сил,
Дремлет у стогов.
Я тулупом приглушил
Звуки нежных слов.

Пичугой — только-только из яйца —
Пищит капель, в раздолье луж ныряя.
Ужель, услышав этого птенца,
Не выйдешь ты — упрямая какая!
Чим! Чим!
Чим! Чим!
Ужели врозь весь вечер просидим?

Полощет крылья талою водой
Зеленая синица с желтым зобом.
Быть откровенным я хочу с тобой
В звенящий миг с дыханием особым.
Чим! Чим!
Чим! Чим!
Ужель мы этот миг не ощутим?

Вдвоем в вечернем мире — я и ты.
И в этом наважденье иль спасенье?
Сосульками, как пальцами мечты,
Распахивает окна зов весенний.
Чим! Чим!
Чим! Чим!
Ужель в ответ на зов мы промолчим?

Илемби, родная! Друг мой нежный!
Губы — как рябина в стуже снежной,
В высохших глазах след бури прежней..
Как помочь тебе? Ты безутешна,
Илемби, родная, друг мой нежный?

Может, словом ранил я тебя?
Лишь одним —
Холодным, зимним словом?

Илемби, родная! Друг мой нежный!
Губы — как под солнцем плод черешни,
Влажный взгляд росой лучится вешней—
Чем же я тебя утешил, грешный?
Илемби, родная, друг мой нежный!

Я тебя в мгновенье исцелил
Лишь одним —
Горячим, тайным словом.

— Ты Земля,— говорю я тебе,—
Мать-земля наделила тебя вечной тайною и красотою.
Словно луг, ароматом дурманит черный полог текущих волос
Меж молочных холмов твое тело
Словно пышная пашня прорыто тишиной плодородных борозд
Губ цветок переполнен медовой росою,
Я дышу им — и жизни вдыхаю секрет.
Целомудренно поле твое и прекрасно!
— О, Земля моя,— я говорю,—
Неизменно твое притяженье.

Отвечаешь ты: — Солнце мое!
Это пламя волос, эти вспышки улыбки — от Солнца.
Как огонь, твои губы зажгут лепестки моих губ,
Как лучи, обовьют невесомые, жаркие руки —
И Земля расцветет, потому что настанет весна.
Покрывало зимы белоснежное сразу растает.
Ты люби меня, Солнце,
От вьюги меня заслони,
От мороза согрей мои пашни...
Повторяешь: — Ты — Солнце мое!
В нас любовь свою
Небо с Землей сочетают.

По листьям глаз скользнул рассвет едва ощутимо.
Рассеял тени ночи, вдохнул озарение в нас.
Вздрогнули, улыбнулись влажные губы любимой...
Настало утро глаз!

Листья глаз полуденым зноем томимы.
Томления, ожиданья еще непочат запас.
Легкое дуновенье от быстрых шагов любимой...
Настал день глаз!

Над листьями глаз купол неба необозримый.
Под колыбельную звезды в небе пускаются в пляс.
Распухли, пересохли усталые губы любимой...
Настала ночь глаз!

Ты всходишь надо мной звездой далекой:
С манящей, недоступной высоты,
В озноб меня бросая, светишь ты,
Струясь загадочно и одиноко.
Рассохшиеся губы, взгляд мой жадный
Вбирают теплый свет твоих лучей.
Владею, кажется, вселенной всей...
Но вдруг... другая ты! Все безотрадно!..

Так страшно, будто горе приключилось,
Как будто оборвался вдруг полет.
Так тяжко отчуждение гнетет!
Мы ждем, чтоб новый свет явил нам милость.
Твое сиянье, что ни год, иное —
И трудно мне, и счастлив этим я.
...Непознанной, как тайна бытия,
Ты вечно представай передо мною.

Задыхаясь,
Восторгаюсь
Я твоею красотой;
Забываясь,
Загораюсь
Я от искорки простой.
Но одною красотою так нельзя околдовать —
Нежность чуткая способна так душой повелевать.

Заревную,
Затоскую,
Если ты со мной горда;
Заворкую,
Заликую,
Если вдруг уронишь «да».
Что ж поделать, хоть и верю, а в душе тоска и грусть,
Оттого, что недостойным сам себе уже кажусь.

Замолкаю,
Засыхаю,
Если мы в разлуке час;
Громыхаю,
Полыхаю,
Как увижу,— каждый раз.
А когда со мной ты рядом, хороша и весела,
За моей спиной немедля вырастают два крыла.

Я землю обновлял при свете дня,
Писал стихи, когда звезда дрожала.
Я редко звал тебя. Но и меня
Твоя простая стойкость поражала.
Давался с детства дорогой ценой
Наш хлеб, который поровну делили.
Не потому ли наш огонь земной
Похож на свет, что звезды нам дарили?
Тепло сердец и очага тепло
Непросто было уберечь вначале.
О женщина, у нас в дому светло,
И матерью тебя я величаю.
Вдвоем впряглись и тащим жизни воз:
Я — коренник, ты — вроде, пристяжная.
Но, право, если вдуматься всерьез,
Кому трудней — я до сих пор не знаю...
Любить мы женщин наших рождены.
Кто скажет, что мы счастливы не этим?
Они так мужественны, так нежны —
Нет ничего прекраснее на свете!

Чтоб женщина всегда была красивой,
Укрась ее оправой светлых слов.
Краса души сияет горделиво,
Коль ты оберегать ее готов.

Невзгоды пусть жестокость в нас не будят,
Не зачерствеют пусть сердца мужчин.
Красавица любить тебя не будет,
Коль честь ты замарал, коль не арзин *.

Пускай обида женщину не ранит
И паутину на лице не ткет.
От слез соленых красота увянет,
Угаснет взгляд от горестных забот.

Лишь радость лица женщин освещает —
И снова юный смех, и легкий шаг,
Душа ясна, взгляд нежность обещает,
И, словно солнце, искрится очаг.

---

* мужчина, муж *(выс.)*.

Чем больше, Илемби, тобой любуюсь я,
Цветок мой полевой, неяркий,
Тем поразительнее широта твоя,
Души твоей нежданные подарки.
Гармонию в тоске пустых ночей
Искал я тщетно, опаленный жаждой,
И вдруг среди твоих простых речей,
О женщина, ее обрел однажды.
Ты жизни суть — не праздные мечты,
Тебя мне славить до скончанья века:
Любви росточек взращиваешь ты
И смело превращаешь в человека.
Тебя зовут таинственно «Она»,—
Живешь, все в жизни победить умея.
Перед тобою голову склоня,
Готов признать, что ты меня сильнее.
Ты кинешь взгляд... ты слово бросишь мне —
И я лечу!.. я падаю бескрыло...
Я леденею... я горю в огне...
Я так хочу, чтоб ты меня любила!
Не ты вспоила у своей груди
Жестокости бессмысленного зверя.
В тебе — бессмертье... жизнь, что впереди...
Когда б я мог так миловать и верить!
По воле женщины на подвиг трус пойдет,
Слепец увидит солнце на рассвете,
Немой слова любви произнесет,

Глухой услышит музыку и ветер.
По воле женщины присядет к очагу
И засидится путник одинокий.
Мы все у женской теплоты в долгу —
Мы были все ее детьми до срока.
...А руки женские! Им все дано!
Они коснутся чахлого росточка —
Тот зацветет! И в засуху зерно
Дает ухоженная ими почка.
Прикосновенье их снимает боль,
В такой руке хмельнее медовухи
Стакан воды... Мужчина, муж, изволь
Стать посохом в руке своей подруги.

Дарил тебе я розы, но давно.
Теперь вот — астры... цвет — какой придется.
Что ж ты грустишь? Уж так заведено,
Так в городах спокон веков ведется.

Лицо опустишь в тяжкие цветы
И бродишь. Пахнет комната теплицей.
Горюешь или радуешься ты?
Бог весть, что в сердце у тебя творится.

И ваза модная имеется у нас —
На дне вязь слов, под веточкой зеленой.
Меняешь часто воду, рафинад
Кладешь, чтоб дольше сохранить бутоны.

Но вянут астры, на пол лепестки
Сухие и бесцветные роняя.
Ты собираешь их, как черепки,
Обрывки старых песен отгоняя...

Но вот с трудом свободный час найдя,
Мы вырвались в луга. Совсем иначе
Ты выглядишь — болтаешь, как дитя,
Улыбку в васильках колючих пряча.

Нетерпеливый желтый холод
Гуляет по верхушкам крон.
Листвы опавшей яркий полог
Снежком едва припорошен.
Зеленый, не побитый стужей,
Огонь травы сквозь белый слой
Тончайших и прозрачных кружев,
Даренных осенью самой.
Рябины гроздь, листок кленовый
В узор снежинок вплетены.
Багрянец, сердолик — обновы
Осенние... И чуть грустны
Леса, плоды земле вручая.
А дерево в нелегкий час,
Нам женщину напоминая,
О вечном думает, склонясь...
Красы весенне-летней, пышной
Едва заметные следы,
А иней вкрадчиво, неслышно
Берется за свои труды.
Все для грядущего. Пусть семя
На землю, в листья упадет —
Сок новой жизни,— будет время,—
По веткам кверху потечет...
Зима! Тепла как не бывало.
Крепись, хоть хлещет ветер злой.
С земли поднять бы покрывало,
Укрыть деревья с головой...

Ждет автомобилей вереница,
Куклы, ленты, яркие шары,
Блеск фаты, восторженные лица...
Свадьбы нынче красочны, пестры.
Ревности щемящей не скрывая,
С молодых ты не спускаешь глаз.
Да, не подносили каравая
Мать с отцом, благословляя нас...
Без подарков пышных, без банкета,
Без роскошной свадьбы мы с тобой
Обручились в памятное лето,
И довольны, кажется, судьбой...
Не грусти напрасно, дорогая,
Чувствую безмолвный твой упрек.
Я тебе клянусь — и мы сыграем
Свадьбу нашу, пусть настанет срок!
Юные шуметь на свадьбе вправе —
Нам с тобою не нужны слова.
Мы серебряную свадьбу справим,
Золотые ждут нас торжества.
Пусть других везут автомобили —
Сильзюната * в сани запряжем,
И в поля, как в юности любили,
С бубенцами мы умчим вдвоем.
Пусть полет не ярок заснежённый,
Пусть взвихрится тень из-под копыт —
Праздник, в трудных буднях сбереженный,
Нас согреет и омолодит.

---

* ветрокрылый *(конь)*.

В небе опять журавлиная стая,
Снова призывный и горестный клич.
Вновь удаляется ветка двойная,
Снова куда-то уносится клин.

Как? Неужели я мог ошибиться?
Иль почему-то подвел меня счет? —
В каждом клину одинокая птица,
Что вне четы совершает полет.

Может быть, так предначертано роком —
Друга всегда не хватает одной?
Мудрый вожак клин собьет ненароком,
Чтоб хоть на миг ей смириться с судьбой...

Но, поменявшись на время с подругой,
Все же душой, как и прежде, одна.
Кажется ей, что чужою заслугой,
Счастьем чужим завладела она.

Лишь иногда, скорбным сердцем измучась,
Зов протрубит она издалека...
Разве могла бы стерпеть эту участь,
Если б не помощь всего косяка?

В час, когда стая, курлыча в тревоге,
Клином летит или ветвью двойной,
Небо молю: пусть сойдутся в дороге
Двое нечетных и станут четой!

Мужчина плакать женщину заставил —
Ему я в уваженье откажу,
В последний путь его не провожу:
Самец змеи имеет больше правил.

Рыдает муж... Его подругу злую
Готов живьем препроводить я в ад:
Змея, и та, любимого целуя,
Старается не расплескать свой яд.

Когда подполз ко мне змеей глумливой
И жало в сердце мне вонзил навет,
Клеветника я не прогнал брезгливо,
Не дал ему пощечины в ответ.
Я с увереньями его не спорил —
Сказав, что анекдот и впрямь смешон.
Прочь зашагал, и только шаг ускорил,
Пока не вырвался из сердца стон...

Домой вошел я, что-то напевая,
Как будто ложь не угодила в цель.
По-бабьи горько-горько причитая,
Ты плакала, качая колыбель:

— Когда ко мне подполз змеей глумливой,
И жало в сердце мне вонзил навет,
Клеветника не прогнала брезгливо,
В лицо ему не плюнула в ответ.
Я на него с улыбкою взглянула,
Как будто анекдот и впрямь смешон,
И торопливо за угол свернула,
Пока не вырвался из сердца стон...

Е. А.

О сколько молний сквозь меня прошло,
Обугливая нервы и сжигая!
Опять грохочет где-то тяжело.
Оглохну! Спрячу сердце, убегая!
Но тучи ниже. Свирепеет гром.
Со всех сторон объято небо мглою.
Куда бежать? Сжимается кругом
Ограда молний, жалящих стрелою.
Стоять зажмурясь? Может, стороной
Промчится эта огненная буря?
...Вдруг ветер мрак рассеял надо мной.
Стою, глаза уже от солнца жмуря.
...Но вновь природе не до тишины:
Пожухли травы, и иссохли почвы...
А после гроз поляны зелены,
Цветы с улыбкой открывают очи.
Так пусть гроза! Пусть ливень рухнет вкось,
Пусть гром гремит, как в день творенья первый.
Пусть молния прожжет меня насквозь,
Сжигая и обугливая нервы!

Была ты счастьем, вдруг страданьем стала.
Крыло в крыло... но ты не долетела.
Ты закружилась, снизилась, отстала;
Я дальше полетел осиротело.

Пришла весна. Я звал! Но ты, земная,
Роптала: — Стану я домашней птицей:
Нужна мне жизнь удобная, иная,—
Устали крылья без опоры биться.

Взлетают люди славной цели ради!
Я, может, сам твои изранил крылья.
Мечту твою уютную разбил я:
Парил — а ты изнемогала сзади.

Весенний перелет прошел весною.
Придет осенний—снова кровь встревожит.
Кто полетит крыло в крыло со мною?
Взлети еще! Не упадешь, быть может...

— Я сильный, крепкий... Никаким невзгодам, свирепой стуже я не покорюсь и слабости случайной не поддамся,—так говорил ты, глядя на усталых, на жизнью согнутых... Но вот жена твоя — пустая, легкомысленная женщина — покинула тебя. Ни в чем ты утешенья не нашел... И вскоре и сам покинул нас...

На стрежне волжском остров, похожий на костер.
Песок его горяч — жар обжигает тело.
Его жемчужных ив пылающий убор
Шипит, едва его заденет пеной белой.
Перебирает ювелир-волна
Песчаный клад — крупица за крупицей.
Ищу зыбучий след, не зная сна,
Иду по углям, голова кружится.
Ложусь я на воду. Корежат смех и плач,
Ни сил нет, ни охоты шелохнуться.
Смотрю — через меня пустились волны вскачь:
Все это не всерьез — игра... пора очнуться!..
Где ты, утраченная?.. Чайкой отзовись,
Пока я льдом еще не весь исколот.
Я вырвусь из объятий волн... Явись!
Рванусь я чайкой к солнцу... холод... холод!

Останься, лебедь белоснежная!
Не уходи, не умирай!
За слезы, что на крылья нежные
Я уронил, не укоряй!
Ты вспомни, как взлетали рядом мы—
Все выше, дальше, все вперед.
Грозу пронизывали взглядами,
Одолевали небосвод.
Стучали в лад сердца, и крыльями
Мы тоже взмахивали в лад.
Казались мы такими сильными —
Путь уступали тем, кто слаб.
По вечерам в прохладу прядали,
От бурь друг друга заслоня;
И головы под крылья прятали:
Я — у тебя, ты — у меня.
Однажды утром плыли рядом мы.
Внизу черемуха цвела —
Зажгла, благословляя, радуга
Четыре общие крыла.
Потом гнездо прилежно вили мы,—
Нелегкий, но счастливый труд.
Потом птенцов пушистых вывели.
Как хорошо они растут!
Для них моей не хватит нежности,
Я лишь взлететь им помогу.
Останься, лебедь белоснежная,—
Мы оба у птенцов в долгу.

Так часто мне не задавай вопроса:
— Ты любишь ли?..— Когда смолчу в ответ,
Обиды не таи. Не так-то просто
Слова любви твердить, как в двадцать лет.

Как летнею порой от ласки солнца
Бутоны раскрываются с утра,
Так сердце женское от нежных слов проснется:
И мертвая поднимется с одра.

Тебе известна клятв любовных сила,
И вот по ним томишься ты опять.
Случайные слова твержу уныло,
Но то — единственное! — где мне взять?

Пока произнести сумеет: «Мама!»,
Дитя измучается немотой.
Так я страдал, так я молчал упрямо
И выдохнул «Люблю!» само собой...

Ты — мать. Ты знаешь — нелегко рожденье.
И слово, как в тебе дитя, растет.
Жди! Вновь придет то звездное мгновенье:
Дам клятве жизнь и — отпущу в полет.

Вернитесь, аисты, в село!

1

Ах, тетушка Эрнесь! В избушке ветхой
Ты сколько тысяч дней живешь одна?
Спросить кукушку? Но молчит она
И спит устало в ходиках, как в клетке.
Порой сверчок за печкой прострекочет
И замолчит — он дремлет в холода,—
Кот дряхлый замурлычет иногда,
Но дни твои считать и он не хочет.
Лишь богоматерь с пухленьким младенцем
Сидит в углу, свежа и молода;
Да муха верещит за полотенцем,
Одна заносит суету сюда.
Под потолком усердно паутину
Неутомимый паучок плетет,
Ухвата палка у печи растет,
Водой налита кадка вполовину.
И шутит грустно пожилой сосед:
— Стоит, с метелкой рядом, отдыхая,
Клюка Эрнесь в хлеву уж сорок лет,
Как дряхлый конь, от старости вздыхая.

2 Да много ли у тетушки забот,
И много ли на старости ей надо?
Семь уток, хват-петух, цыплячье стадо,
Две курицы — семья наперечет.
Из года в год наседки для нее
В лукошке лубяном сидят — на радость!—
Потом цыплята тихое жилье
Своим ребячьим писком будоражат.
И сорок лет посередине сна
(Чуть ветер тронет крыльями ворота),
Эрнесь опять бежит встречать кого-то,
Вся суетливой радости полна.
И долго-долго у крыльца стоит,
Случается, к околице плетется
И смотрит в даль, где огонек горит.
Вдруг муж ее, вдруг сын домой вернется!..
Вдова-солдатка сельская без сна
Лебедушкой сиротствует, блукает,
Крича в полете, кружится: весна...
Упасть бы рада — крылья не пускают.

3 — Давно мне успокоиться пора,—
Старуха шепчет,— кости ослабели,
Изба осела — до того стара,
Как я, стоит с подпоркой еле-еле.
Готово платье в самый дальний путь,
Есть суровье — и нитки, и полотна,
Мешочек, чабрецом набитый плотно,
Под голову подложит кто-нибудь.
Все есть, чтоб проводить меня туда:
И обувь, и платочек... Я одета
Не причиняла людям я вреда,
Чтоб после смерти не нести ответа...
Шутя ль, всерьез ли будет говорить:
— Вот досочки смолистые для гроба,
Вот деньги... Маловато, чтобы жить,
А на поминки хватит... Нужно, чтобы
Еды для всех достало и питья,
Чтоб пели на завалинках девчонки...
Ах, если б внук в родимую сторонку
Забрел в тот миг, когда отправлюсь я!..

4

Вернется стадо в сумерках в село,
Спешат доить коровушек старушки.
Эрнесь спешит, держа чиряс за ушко,—
Отвыкнуть от привычки тяжело.
Была в дому комолая одна,
Да как-то в стужу ноги потеряла;
Была коза — по блюдечку давала,
Да кто-то до смерти зашиб спьяна.
Услышав, как струится молоко,
Звеня о ведра по всему селенью,
Она уходит в поле далеко,
Среди хлебов теряясь светлой тенью.
— Где ходит наша тетушка Эрнесь —
Ни сор-травы,— пошутит кто-то робко.
И вправду, там, где тетушкина тропка,
Нет сорняков — им неуютно здесь.
Она легко, как будто невзначай,
Погладит ржи зацветшие колосья,
Потом, то чертыхаясь, то ворча,
Всю лебеду подергает с откоса...

5 Когда заря опустит косы в воду,
С поклоном к Адыл-батюшке * придет,
И к ковылю седому припадет,
Как снег бела,— осколочек природы.
Все слушает невнятный шепоток,
Понять старается воды напевы...
А волны прочь уходят, клочья пены
Оставив у ее иссохших ног.
То мутная, то чистая река
Внезапно то растет, то убывает,
Не ведая смиренья, как пока
И тетушка смирения не знает.
Теченье мысли, разбиваясь, бьется
О прочный берег памяти ее.
Рассеявши тумана забытье,
Все прожитое снова в сердце рвется:
— Эрнесь, отродье беспородных псов?
Тебя подобрала в крапиве мать.
Хор озверелых, детских голосов...
И ныне прежней боли не унять.

* Волга у чуваш — Адыл (название дано, видимо, в честь Аттилы).

6 Как много раз она рыдала здесь:
— Зачем, зачем я родилась на свет?!
Видать, и доброе и злое есть
В том, что забвенья в нашей жизни нет.
«Чужое — прочь, а что твое — с тобой!..»
Кто по земле бродил с пустой сумой,
А после все прошедшее забыл
Тот, может быть, под старость счастлив был?..
«Твое — с тобой, а все чужое — прочь!» —
В сердцах сказать бы да рукой махнуть:
Своей судьбы крутой не превозмочь —
Пора смириться с ней и отдохнуть.
В который раз (какой десяток лет?)
Вновь к Адылу на исповедь идет
Эрнесь инге * и, получив совет,
Смыть хочет всю печаль теченьем вод.
— Что делать? — говорит ему она,—
Когда во сне встречаюсь я с родней,
Зовут к себе... Я здесь совсем одна...
Пора и мне, пожалуй, в мир иной...

---

* тетушка, в данном случае уважительное обращение к пожилой женщине.

7 Пора, пора, пожалуй, в землю лечь...
Но жизнь тогда оставлю я кому?
Сверчка, давно не топленную печь,
Замок на брошенном дому?!
...Когда двадцатый век решил настать,
Когда разбили ночь колокола,
В тот самый миг младенца родила
В селе Кюльне испуганная мать.
— Опять девчонка? — проворчал в сердцах
Хозяин дома, уходя в кабак —
Так, значит, без земли (попутал враг!)
Наш род исчезнет, обратится в прах...
И вот косматый поп на день седьмой
Надумал девочку крестить,
Но не сумел ее сгубить,
Купая в кадке ледяной.
Видать, крепка была! Лицо скривить
Улыбкой норовила озорной,
Потом сумела струйкою парной
Крест светозарный окропить.

8 — Анафема! — не взвидя бела света,
Поп заревел и ризой крест отер,
И святцам — бог простит — наперекор
Решил назвать младенца кличкой этой.
Ну а затем в бумаги, в самом деле,
Велел дьячку «Анафему» занесть...
Так и звалась бы до сих пор Эрнесь,
Но грянул вихрь — бумаги все сгорели.
— Как вспомню, плакать хочется опять:
В глаза смеялись, в спину хохотали.
Когда «Анафемой» девчонку звать,
От хохота удержишься едва ли.
Но круто повернул бурливый век!
Я в ялсовет,* как будто бы случайно,
Зашла — гляжу: а там сидит начальник —
Такой, как все мы, нищий человек —
(Такой же подзаборник — Тамерлан).
Его, как и меня, тот поп с похмелья
Назвал то ли со зла, то ль для веселья...
Когда-то звался так кровавый хан.

---

* сельский совет.

9 Но друг мой новый мало горевал:
Ведь тимерлень железный по-чувашски...
Меня ж в Эрнесь переименовал —
И это имя предали огласке.
...Когда покрылись вербы желтизной,
Шепнул мне раз тот Тимерлень железный:
— Сядь на качели... рядышком со мной...
Вдвоем так весело лететь над бездной.
...Как много горя было на веку!
Эрнесь, Эрнесь, кого за это спросим?
В четыре — сирота. Батрачка — в восемь,
Голь с тощею сумою на боку.
У мельничихи в рабстве пожила,
У теток и дядьёв куском давилась —
Жизнь сироты, что камень, тяжела,
Работы груз — единственная милость.
В поту, в грязи с рассвета до утра —
Летай, куда хозяева прикажут.
Никто словечка доброго не скажет...
Как выжила?! И вот уже стара...

10 ...Ровесница столетья своего —
Найдёна, побирушка, голытьба...
Но как столетью, пала ей судьба
В семнадцать лет поверить в торжество
Великих слов: Свобода, Правда, Свет...
Батрачке выделен земли надел! —
Жизнь новая досталась ей в удел
И новый счет открылся новых лет.
— Семнадцать мне, о Матушка-земля,—
Передо мной у жизни есть долги,
Забыть нужду и горе помоги —
Чтоб равным среди равных стала я!—
С такой мольбою в самый первый раз
Лопату я вонзила в борозду
На собственной земле, в своем саду,
Где лишь землянка без окошек-глаз.
Потом — колхоз... Полвека прокатилось,
И не осталось, кажется, такой
Земли в округе, где б моей рукой
Хоть малая былинка не взрастилась...

11 Все трудности Эрнесь перетерпела:
То недород, то холод, то война...
Но и в минуты горькие она
Быть мудрой и безропотной умела.
Все позади! И закрома полны,
И как всегда открыто ласке поле;
Но старой видеть бесконечно больно,
Что землю предают порой сыны.
...И вправду, люди, виноваты мы
Перед землей во множестве грехов:
То пьем, то забываем стариков,
То завистью отравлены умы...
Звенит в кармане грош, рубли шуршат —
Навозом пачкаться гнушаемся, как баре.
Колотит муж жену в хмельном угаре,
Все к должностям карабкаться спешат;
Брат с братом вздоря, тянутся к рублю,
Сосед с соседа требует гроши,
И суета сует — кум королю —
Над нами суд безжалостно вершит...

12 Мы хлеб да соль, мы горе и удачи
Не делим, как бывало, пополам,
Все реже над чужой печалью плачем,
Все реже стыд стучится в сердце к нам.
Эй, люд земной! Пора угомониться!
Неужто горе наш смягчило дух?
Неужто сытость очерствляет лица,
Неужто в нас огонь любви потух?
И конь, когда подпруга ослабеет,
Несет, не глядя, в мыле и в пыли.
Забыв о долге, человек наглеет.
Едва он оторвется от земли.
...Вот так, в глубокой, искренней печали
К седому Адылу Эрнесь бредет:
— Неужто забывает наш народ
Предания, что дух наш охраняли?
«Земли неосторожно не порань —
Беременна она!» — нам говорили.—
«Стопой тяжелой на нее не встань!»
Как осторожно в день синьзе * ходили!

---

* весенний языческий обряд охранения земли во время ее «беременности».

13 Как пели, помогая ей родить!
Как затихали в миг освобожденья!
Теперь же забываем проводить
Наш древний праздник — жизни зарожденье.
— Стара уж я, но, словно луч огня,
Не гаснет память: помню, мельник пьяный
Девчонку-нищенку — ударил раз меня —
В день праздника земли, бранясь погано.
И мать его на землю предо мной
Вдруг плача на колени опустилась:
— Мы праздник твой нарушили. Прости нас.
Прости его — он глупый и хмельной...
Стою и плачу: и за сироту
Вдруг заступились. Было ли такое?!
Поверить в снисхождение людское?
Не верю и — конца молитвы жду.
Потом и вправду кончился уяв —
Свои я получила колотушки.
Но даже у меня, у побирушки,
В час праздника не отнимали прав...

14 Манеры, опыт, жизненный уклад
В обычай превращают люди сами.
Глупец же и сегодня только рад
Нарушить то, что сложено веками.
Как человеку в сердце заглянуть?
Иной на вид простак и работяга,
А ищет только собственного блага,
Мостит лишь к своему успеху путь.
Он льстив, по ветру чутко держит нос,
Забившись в дальний угол на собраньи,
Со лба не сдунет собственных волос,
Чтоб ничьего не привлекать вниманья.
Другой — трепач: как будто не в ладу
Язык с мозгами — наперед все знает!—
Пустейших слов заводит чехарду,
Несеянное жито убирает...
И кажется Эрнесь: за все в ответе
Она: село, родимая земля —
Они ее последняя семья,
Вся жизнь её ушла в посевы эти.

15 Ей хочется, чтоб новых поколений
Слова и мысли (те, что хороши!)
Легли, как зерна, в глубину души
И проросли, как трав ковер весенний.
Да, было тяжко! Грусти не уняв,
Колосья усиками жидкими качали...
Но нынче все, как будто бы вначале!
Иная жизнь, иная в селах явь.
Стань полной чашей, каждый сельский дом! —
Зерну в сусеках полных золотиться.
Но снова... дремлем и чего-то ждем —
Пора деревне древней возродиться!..
Покуда новый дом не возведешь —
В избушке старой роешься, что крот.
А Дом культуры строят пятый год...
Но жить сегодня хочет молодежь.
И уезжают внуки в города,
А на завалинках сидят старушки
И все о чем-то сетуют друг дружке —
Стареет сельский люд как никогда...

16 Вяжи чулок, показывай письмо,
Пей сладкий чай, заваривай душицу.
А если сердце вдруг развеселится —
Оно, как птица, запоет само.
Листвою вышитой шуршит ветла,
Цыплята-одуванчики стрекочут...
Эрнесь-то хватит этого тепла,
Но тот, кто молод, обновленья хочет.
— Вот так и внук. На Балтике служил,
Писал, что обо мне скучает очень,
Что, поработав дома лето, осень,
Построит дом — такой, что старожил
Подобного в Кюльне не видел сроду:
«Из камня, как в Эстонии кладут,
Чтоб с мезонином, чтоб с водопроводом.
Чтобы у крыши скат высок и крут...
Чем хуже мы? Эстонцы нам родня!»
А сам... вернувшись с радостью домой,
Помаялся с неделю у меня
И — прочь... и — вовсе сгинул с глаз долой.

17 Однажды как-то съездила к нему —
И врет: мол, славно и в таком дому,
А главное, что город очень близко...
Куда как славно! Сам из горбылей,
Опилок и земли слепил хоромы.
Чуть в ад не провалилась я ей-ей,
Когда на крыше каркнула ворона!
«Скажи, зачем уехал из села?
Отцовский дом, меня — старуху — бросил?»
Молчит. А ночью бредит, что-то просит,
Кого-то проклинает до светла...
...Седой ковыль и волосы седы.
Ласкает их рука ночного ветра,
Дочь Адыла у стынущей воды
Ведет с отцом беседу до рассвета.
— Эх, внучек,— шепчет старая в ночи,—
И я, быть может, в чем-то виновата.
Что нас могло с тобою разлучить?
Что сбило с толку моего солдата?

18 Последняя надежда — Педер мой!
И к свадьбе я деньжонок прикопила.
Как Сюлымби * ждала тебя, любила...
Все молочка заносит мне домой.
Как можешь жить ты с «лапушкой» своей?
Видать, что не простая... Словно меч
Тоща, остра, ни бедер нет, ни плеч.
Куда ей, хилой, выносить детей?
А Сюлымби прилежна, как пчела,
Готовая трудиться неустанно.
Раз улыбнется — станет ночь светла,
Комар ее укусит — кровь фонтаном.
Сама стройна, красива и ловка.
И старые девчонку уважают.
Такой невесты не сыскать в века.
Я жду и плачу..: Видишь — рассветает...»
...Ах, тетушка! Мой человек родной!
Лишь с виду ты ворчунья и заноза,
Хотя и скажет про тебя иной:
«Она — покою вечная угроза...»

---

* и м я, означает: девушка-пламя, или красавица-огонь.

19 Эй, погоди-ка осуждать, прохожий!
Судить легко, особенно старух.
Ты лучше на завалинке заросшей
Сядь рядом с ними, и, как старый друг,
Порасспроси о дождике, о поле.
И не спеши вершить над ними суд...
Тебе сыра * в ковше здесь поднесут,
Расскажут все о горькой бабьей доле.
...Горька судьбина этих вечных вдов,
Порой тоска сжимает сердце круто;
Но лишь пройдет случайная минута,
Как все свои обиды поборов,
Они опять чутки, добры, красивы,
Простые бабы — сироты войны;
Сужденья их мудры, неторопливы,
Обиды все добром побеждены...
— Кто уважаем больше всех в селе?
— Кто всех скромней, честней, за все в ответе?
— Эрнесь! — ответит каждый,— Пельмелле! **
Да вот судьба... Одна на белом свете...

---

* пиво.
** Надо знать!

20 ...Одна в тени ветлы, в кругу людей,
В саду цветущем, над обрывом Волги...
Я много-много раз видался с ней,
Молчали мы, беседовали долго.
На чьих-то праздниках встречалась мне она,
На чьих-то свадьбах... Скромно, по-девичьи
Лишь рюмку первую опорбжнит до дна,
Другие чуть пригубит для приличья.
А запоет — слыхать на целый свет,
Лебедушкой вплывает в хороводы.
— Была же баба! — кто-то скажет вслед.—
Эх, Тимерлень! И не узнал бы сроду!..
А зло заметит — как крапива жжет.
Сам секретарь премудрую робеет...
Хват-пьяница пред нею вмиг слабеет,
Увидит и в проулочек шмыгнет.
...Пыль, остывая, жухнет на стерне,
На травы первый иней лег несмело.
В тумане тень Эрнесь — как призрак белый.
Спокойно дремлет мирное Кюльне.

21 Вот и гумно. Вот одряхлевший сад.
Вот яблони раскидистые тени.
— Срубить бы — яблок нет семь лет подряд —
Посажена рукою Тимерленя!
И целых тридцать с лишним долгих лет
Не вьет гнезда на иве старой аист.
Все дожидаюсь — птицы нет как нет,
Все нет и нет, и все я дожидаюсь...
...И ткутся нити памяти опять,
Былое повторяется, как сон:
Она одна легла в землянке спать.
Ей девятнадцать... В дверь стучится он!
Какие говорил он ей слова,
Никто не знает — слышали лишь стены.
Ушел на фронт, развиднелось едва,
Пообещав вернуться непременно.
Припав к землянке, плакала одна,
Шепча: — Вернись, все без тебя постыло...
Был теплый день, уже прошла весна,
И лето печь привычно затопило.

22 — Не девушка и не жена... Светясь,
Не выплывать мне в свадебном уборе...
Гроза с земли смывала пыль и грязь,
Но приближались годы зла и горя.
Что говорить! Бывало страшно нам!
Подкатывало к горлу половодье
Ограды рушило на огороде,
Сердца рвались от боли пополам.
«В душе посеешь — а в уме пожнешь»,—
Нам, беднякам, твердил, бывало, Тимер.
Но если в сердце повернули нож?
Но если мир без милого как вымер?
...Опять в землянке нищенской одна,
Вся жизнь закрыта слезной пеленою.
Голодный год. На поле белена.
Чертополох, и тот засох от зноя.
Обуглилась, заколосившись, рожь,
Как будто кто-то подпалил планету.
Деревья — как червивые скелеты.
На землю ступишь — ногу обожжешь.

23 И люди исхудалые черны
И друг от друга прячут взор унылый,
И вдоль дороги — без крестов могилы...
Как дотянуть до будущей весны?
И все ж таскаешь, одолев усталость,
По полведра из Волги обмелевшей —
Картошку тяжко поливать не евши,
Но доживешь, так выкопаешь малость.
Беда — к беде: вползает тиф, как вошь,
Куда ни глянь — то хворый, то покойный.
Но надо выжить, выдержать достойно.
Не забывай — ты Тимерленя ждешь!
А вести страшные гудят вокруг:
То вымерла семья от голодухи,
То тимерленев самый лучший друг
Замучен кулаками... Толстобрюхий
С иконою вокруг совета поп
Водил толпу голодную часами:
Склонял он к бунту, предвещал потоп,
Но люди в правде разобрались сами.

24 Дождя-то он у бога не просил —
Должно быть, позабыл свои молитвы:
Они же с попадьею были сыты.
А бог далек, когда народ без сил...
...Вновь Адыл чутко слушает Эрнесь:
— А я, как тень, из дома в дом бродила,
Ухою пресной с ложечки кормила
Больных... Зимы бы нам не перенесть,
Когда б не помощь: из Москвы рабочей
Сам Ленин поезд, говорят, прислал.
...А тут в шинели, в шлеме — кстати очень! —
И Тимер мой в проеме двери встал!
...Эрнесь и в кожанке продкомиссар
Разносят по соседям соль и крупы,
Немного хлеба («Эх, чуть сахарку-бы!»),
Да вяленую рыбу... Мал и стар
Гостей встречают, глядя как на чудо.
И говорит она: — Не плачьте, верьте
Спасенью, коль друзья у нас повсюду.
Мы вырвемся из рук костлявой смерти!

25 Два года оживляла и блюла
Эрнесь детей в «обчественной столовой».
Ее прозвали «Матерью села»
И вестницей считали жизни новой.
А как она сама похорошела!
Невестою, женою расцвела!
И одиночества души и тела
Уже себе представить не могла.
И в трудные и в радостные дни
Она несчастным людям помогала.
И нынче средь людей родного яла *
Не счесть, пожалуй, у нее родни!
Не это ль счастьем издавна зовут?
Есть поле, есть дожди, есть семена,
С друзьями рядом на́ поле она
И Тимер разделяют общий труд!
И жаворонок в небесах поет:
«Земля жирна и семена отборны,
Ковром зеленым прорастайте, зерна!
Да будет счастлив на земле народ!»

* селá, деревни.

26 И люди распрямились — прочь, беда! —
Как будто кто-то им разгладил лица,
И песни стали с поля доноситься
Впервые за последние года:
Как будто бы во сне, как будто в сказке,
Сруб — долгожданный, новый, белый — рос
На их сиротском маленьком участке!
Так юность кончилась уже всерьез...
Эрнесь, былые годы провожая,
То засмеется, то заплачет вдруг.
Опять тучны в округе урожаи,
И мирно кукарекает петух.
До ночи бревна звонкие тесали.
Пазы долбили. Дзинькала пила.
Стучал топор... Там — на краю села —
Артельно дом — комбедом — поднимали.
Был невелик он. И не слишком мал.
Но молодым хоромами казался.
Ведь Тимер тоже с детских лет скитался,
С рожденья крова отчего не знал.

27 Теперь накроют крышей не спеша
Смолистые, неструганные стены,
Затопят печь... Оттает постепенно
Эрнесь закоченевшая душа.
Все впереди так радостно и ясно:
Плечом к плечу с народом заживут,
Близка мечта, и благодарен труд,
Прекрасна молодость, и жизнь прекрасна!
...Эх, старость, старость — скопище тревог.
Чуть двинешься — то тут, то там заноет.
Лгун, кто тобою похваляться мог...
Перина, словно угли под спиною,
Как чурки, ноги, затекают руки,
Бессильные, чужие — хоть спили.
И сон не в сон, ночами будят звуки,
Доносятся со всех концов земли.
Порой в душе стоит такая тьма!
Идут, как тучи, мысли чередою.
Как много раз встречались мы с бедою,
Как много отдано ей сердца и ума!

28 Порой Эрнесь не спит до петуха —
Погладит медную скобу вставая,
И распахнется крышка сундука,
Скрипя и вздрагивая, как живая.
Там есть платки, посуда, полотно —
Ее добро, за годы нажитое.
Но спрятано под тряпками на дно
В резной шкатулке самое святое.
Что золото, каменья, серебро
В сравненьи с тем богатством непомерным?!
Жена и мать — последнее добро
Она хранит в шкатулочке фанерной.
В бессонницу, когда невмоготу,
Она глядит, слезы не отирая,
Сокровища свои перебирая,
Как в вечность, в ветхую шкатулку ту.
Там у нее — у матери — сыны.
Там у нее — у женщины — любимый:
Семь снимков, их края обожжены;
Семь писем, почерневшие от дыма...

29 Живы сыны для матери навек.
Она для жизни в муках их рожала,
Она их на войну не провожала,
Не пал в бою любимый человек:
Есть память сердца. И замены нет.
И фотографий выцветшие лица
Не смогут никогда испепелиться —
Черты любимых не горят в огне.
Вот все, что ей оставил Тимерлень:
Два снимка — на одном мечтатель-парень,
А на другом — солдат. Чуть набекрень
Надета шапка... Время не состарит
Его уж никогда. Не уставая
Он со стены смотрел и день и ночь
На Эрнеслу свою. Затем невмочь
Ей стало: старость от него скрывая,
Стыдясь седых и реденьких волос,
Она в тайник свой фото убрала
И по ночам беседы с ним вела,
Когда не видно ни морщин, ни слез.

30 Не жалуется. Просто перескажет
Дневные многотрудные дела:
Что посадила, сколько убрала...
Все тот же он; да и она вся та же.
...Все вспоминает: раз пришла весна,
Из почек зелень пламенем взметнулась —
Весь мир в цвету! Услышала она:
Под сердцем что-то сладко шевельнулось.
Тогда... давно... она спустилась в сад.
А там — два аиста! два чернокрылых чуда!
Возникшие неведомо откуда,
Гнездо из веток на ветле творят!
— Эй, Тимерлень! Быстрей, быстрей сюда!
Эй, Тимерлень, беги сюда скорее!
...Прошли неисчислимые года,
А радость та доселе не стареет,
Как жили дружно! Не насупит бровь,
Бывало, муж, словечком не обидит.
Любую боль ее тотчас увидит.
Наверно, это и зовут «любовь».

31 А если и случалось дотемна
В пустой избе сидеть ей одиноко
И ждать тревожно возле стылых окон,
То ревновала лишь к земле она.
Порой и скажет: — Скоро уж заря,
Мог с полем и пораньше распрощаться.
Но и такие речи говоря,
Не уставала мужем восхищаться.
Он первый тракторист на весь район.
Он — большевик. Не бросит даром слова,
И если партия вперед пошлет сурово,
Умрет, но к цели доберется он.
Он служит истине. Он полуправде враг.
Он клевету от правды отрезает.
«— Вот мельник—кровопиец, впрямь кулак,
А плотогон Ехвет?! Он цену знает
Труду. Он всю Рассею вместе
С артелью обошел. Корова, лошадь, дом
Рабочим заработаны горбом...
И Тимерлень не даст его бесчестить!»

32 — Когда-то зачисляли в кулаки
Любого, чье семейство было сыто.
А нынче все дома в селе крепки,
И слово «голод» прочно позабыто.
Машины фыркают в любом дворе,
Звенят в кубышках да в чулках монеты,
Игрушки покупают детворе...
Иной зазнается от жизни этой!
Эрнесь же вспоминает жизнь свою,
Шепчась в ночи с волной неугомонной:
— Тащи одна солдатскую семью,
Да вздрагивай при виде почтальона.
Да, все прошло... Как Тимер на войну
Ушел с фашистом биться — сразу сгинул:
Танкистом был. Сгорел? Погиб в плену?
Неведомо... А впрочем, все едино!
Всего-то и пришло два-три письма.
— И я в те годы буквам научилась:
Слова хотела разбирать сама,
Не уповая на соседей милость.

32 Нельзя и от страданий уставать —
Зовут к терпенью и доныне строчки,
Те, в битве обгоревшие листочки...
Потом ушли два сына воевать.
Ушли и ...сгинули. Безумная сноха,
Из дома ночью выскочив, нагая,
Во тьме кричала и кляла
Дитем орущим тишину пугая...
...Вы — молодые, старцы, вы — кто жив,
Солдаткам-вдовам, матерям и женам —
Всем! — головы смиренно обнажив,
Земным извечно кланяйтесь поклоном!
Всех, от кого бежит ночами сон,
Всех, одиноких, тех, ослепших с горя,
Сирот растивших, с нищетою споря,
Утешит, может, ваш земной поклон.
Ушли иные, выбившись из сил...
Пускай побалует судьба живых!
Муж без вести пропал... Потерян сын...
Пожалуйста, не забывайте их!

24 Опять сверчок за печкой свиристит,
Ведет с сынами старая беседу.
Прах старшего в Болгарии зарыт,
Прах младшего лежит в Берлине где-то.
Два снимка в двух морщинистых руках —
Храбрец, любимец и красавец каждый:
Отцовский взгляд у младшего, и как
Похож на мать ее гвардеец старший!
— Мой Мигулай! Арслан мой! — в тишине
Заголосит Эрнесь, концом платочка
Стыдливо рот прикрыв.— Ужель, сыночки,
И зыбки не качать под старость мне?
Читает письма по складам опять,
И, как птенцов, в ладонях согревает,
Вдруг застыдится — тихо закрывает
Шкатулку. Рассветает. Поздно спать.
Бредет к окошку, ноги волоча,
И смотрит в даль, как будто ждет кого-то...
Над поймой — трепет первого луча.
Дрожит туман. Пора и за работу.

35 ...Настало утро. Не чужой старухой —
Идет хозяйкой вдоль живых оград.
— Вон Мать села! Ты выдь-ка с медовухой
Шустрей! — свекрови снохам говорят.
Идет и, словно древняя орлица,
Все видит. Где наклоном головы
Людей похвалит, где и возмутится:
— А ну-ка мусор убери с травы!
Вот распахнулись с визгом ворота,
Хмельная баба вылезла наружу.
— Эйлинь! Неужто все ты не сыта?
У вас плоды на ветках — скоро стужа.
...Вот дом с железной крышей, сад вокруг,
Узорные ворота возле дома.
Здесь Сюлымби с сестрой живут: без рук
Мужских возведены хоромы.
— А мне одной уже невмоготу.
Вот если б внучек,— вырвалось у старой.
Шуршат сухие листья на лету.
Пора быть снегу. Дни короче стали.

36 И вновь поземка кружится. Кусты
И кроны ветел ветер гнет руками.
Летят, летят, озябшие листы
С деревьев старых на холодный камень.
Звезда подкрашена. На бронзовой доске
Фамилии и имена без счета.
А эти три ее немой тоске
Принадлежат. Их словно выжег кто-то
На сердце, словно раны. Вновь в ее
Глазах встает былое, как живое...
Околица. Звон бубенцов. И воет
Старуха... Песня. Тише. Тише. Все...
Погладила холодную чеканку,
Как будто строки можно отогреть.
Еще разочек завтра посмотреть
На обелиск успеет спозаранку.
Меся густую, вяжущую грязь,
Под лай транзисторов и грохот дикий
Толпа юнцов вдоль улиц пронеслась.
Вновь над Кюльне простерся вечер тихий.

37 Эрнесь однажды летом, до уборки,
Впервые отпуск порешили дать
И льготную путевку... Благодать!—
Плывешь в каюте-люксе вниз по Волге.
Блаженствуй, будто в колыбели ты:
Волна качает с песенкой веселой,
За пароходом пенные следы,
На берегах то города, то села...
Однажды объявили: «Волгоград!..
Готовьтесь к встрече с городом-героем!..»
Вся в ореоле битв, побед, утрат
Мать-родина застыла над горою.
С мечом в руке, гигантская... Но весь
Мир обыщи — и не найдешь роднее.
Соседка шепчет: — Погляди, Эрнесь,
Как близнецы, походите вы с нею...
Когда вошли, рыдая, в пантеон,
Все ринулись с надеждой к длинным спискам:
Мужей искали: — «Может быть, и он
Средь братьев спит под этим обелиском?»

38 Присели на пригорок отдохнуть.
И вдруг: — Он здесь! — сама земля кричала.
И что-то больно вдруг кольнуло в грудь.
Взор незабудки! Этот взгляд я знала!
Цветок дышал, пылал голубизной,
Как будто пить душа его просила.
— Ты — Тимерлень. Как душно! Давит зной!—
Земля к себе тянула властной силой.
— Ах, Эрнеспи! Родная, как когда-то,
От ласки рук твоих стихают раны.
Спасибо, дорогая,— из кургана,
Казалось, шепчет самый прах солдата.
...Теперь у обелиска здесь — в Кюльне —
С того кургана ржавая землица.
Опять пришел черед настать весне,
И та же незабудка сквозь ресницы
Глядит на мир, на ветлы, на людей.
Ей родина — земля, что та, что эта.
И тем же солнечным лучом согрета,
Она жива, и жить вовеки ей.

39 ...Нить памяти завязана узлом.
Старуха дремлет, не смыкая век.
Вдруг... это ветер или человек?!
Дверь стукнула — и кто-то входит в дом!
— Кто?!—Председатель... Не прогонишь прочь?
— А-а... сват Серук... Сейчас зажгу я свет.
— Как ты живешь? Не надо ли помочь?
— Да вот скриплю. Все что-то смерти нет.
Оно бы ничего... Да вот одна...
А председатель топчется смущенно:
— Давно тебе построить дом должна
Артель... все план не слали из района.
Умом-то задним часто мы крепки...
Ждем трактор новый... (сам все к двери жмется).
Быть может, Педер твой домой вернется?
Черкнула бы ему две-три строки...
Построим дом по плану, по науке,—
Ведерко опрокинул, уходя.
...Очухавшись, неделю погодя
Старуха села за посланье к внуку.

40 Согнулась над бумагою она,
Да с мыслями никак не соберется.
— Ну что нам, старым, в жизни остается?
Хоть изредка забота нам нужна.
Два-три словечка ласки и участья —
И прочь обиды, станет жизнь ясней,
Как будто время юных наших дней
Вернулось! Как тогда, вновь веришь в счастье.
Все передумала во тьме ночной
И в пузырек чернильный опустила
Перо: «Вернись, внучок, вернись, родной,—
Ведь мать-земля тебя не отпустила.
Проходит, Педер, час любой беды,
Когда в земле твои живые корни.
Не заблудился ль на асфальте ты?
Здесь ржут живые, есть стальные кони...»
— Вдруг явится?! Растают облака!
Дождь солнечный заплещется по логу!..
...Не времени ли мудрая рука
Ночного гостя привела к порогу?

41 ...Ей видится — от бабкина письма
Весь исстрадался Педер, телом высох:
«Поехать? Вроде кончилась зима...
Остаться? Ветра неуемный вызов...
Земля так сладко манит по весне.
И ноги будто сами тянут в поле,
И жаворонок кружит в вышине.
О, этот вечный зов! Всплакнуть бы, что ли!..»
Не может бабку он свою забыть,
В ее глазах свинцовую усталость:
«Уход ей нужен... Как одной прожить?
Что одинокой в старости осталось?
Да, просто упрекать!.. Но разве я,—
Взорвется он,— так за себя обижен?!
Трех воинов не дождалась семья —
А дома нет в селе старей и ниже...»
Зовут старуху, «матерью села»
А как до дела, позабудут живо...
И в самом деле, не пришла ль пора
Всё получить, что в жизни заслужила?!

42 ...И бредит старая: — Очаг весны
Как будто соки вскипятил земные.
И ты, внук, в том огне — обращены
На родину твои глаза. Иные
Ты ночи вовсе не смыкаешь глаз,
Худеешь ты, не спорится работа,
Все валится из рук. Как будто кто-то
Тебя зовет, как будто пробил час...
И мира нет меж сердцем и умом —
С собою споришь, милый, днем и ночью:
«Где истинный у нас на свете дом?
Здесь есть жена. Там — бабка в одиночку
Последние свои проводит дни.
И что сказали б мне отец иль дед?
Хотя б во сне привиделись они
И дали парню правильный совет...»
Вновь шепот губ, увядших, как от зноя:
— Вернись скорей в родимые края!
Не твой ли голос, Педер, слышу я?!
Не ты ли споришь горячо с женою:

43 «— Не едешь?.. Ну тогда — пока, дружок.
Ты приезжай — я буду ждать, ей-богу!»
Что ж, на плечо солдатский вещмешок
Набрось и отправляйся в путь-дорогу!
...А жизнь бурлит. Круша покровы льда,
Отметил Адыл праздник половодья.
Зима студеней — лето жарче. Да.
Не зря такое говорят в народе.
Все ветви засмолил листвою лес.
Природы свадьба — радуются птахи.
Та яблонька — ровесница Эрнесь —
Надела вдруг чувашскую рубаху.
...Однажды — словно кто-то ей велел —
Эрнесь из дома вышла на крылечко
И ахнула: вновь — чудо... чудо вечно!—
Два аиста на старенькой ветле!
— Эй, Педер, Сюлымби,— сюда! Сейчас...
В саду!..— а у самой надежда вдовья.—
Пусть проживут они счастливей нас.
Сто лет ждала я этого гнездовья.

44 Смотрела ввысь, как около гнезда
То аист пролетал, то аистиха,
И Сюлымби, зардевшись от стыда,
Шептала мужу что-то тайно, тихо.
...Но правда гонит прочь непрочный сон.
Стук и шаги. Спускается с пригорка
Тень чья-то. Дверь ударила подпоркой,
Туя * упала... Неужели он?!
Но и сегодня поздний пешеход
Проходит, не задерживаясь, мимо.
«Опять не тот, кого я жду. Не тот!»
Еще больнее сердце заломило.
Упала бы, да ноги зашагали.
Вот жердь кривая, вот и край села.
Привычно в даль дорога повела.
Темно в глазах и знобко даже в шали.
И в даль старушка смотрит до утра,
Сырой туман, сгущаясь, застит очи.
Березой в инее седого серебра
Призывно светится она во мраке ночи.

---

* посох.

Орехи Слакбаша

Два золотых ореха спелых
Поднес Ухсай мне как-то раз.
Я растерялся, я несмело
Ловил усмешку мудрых глаз.
Что надо сделать? Неужели
Разбить орех и съесть зерно?
Что за бессилье, в самом деле!—
Не знаю... Стыдно и смешно.
Два угля руку прожигают.
Молчит Ухсай — разгневан он.
Обычай прадедов — закон,
Его невежда лишь не знает.
Да мало ль за тысячелетья
Законов этих и примет —
Все затвердить не мог успеть я...
А все же оправданья нет.
Так успокаиваю душу
И тут же сам себя корю:
— Пустой орех ты,— говорю,—
Народа мудрость не подслушал.
У сердца, телом согревая,
Орехи до весны таскал;
На Черный Ключ, к родному краю,
Вернувшись, в землю закопал.
Слакбашские родные соки,
Взорвите эту скорлупу,
Проклюньтесь всходами высоко,

Плоды осыпьте на тропу.
Сережки пусть, как хвост куницы,
Пораспушатся на ветрах.
Орехов плоть засеребрится,
Пробьются корни через мрак.
В земле не пропадает семя —
Верну Ухсаю два плода.
Обычая не старит время.
Что суетно, все — ерунда!

Слак со звоном чистым
Скачет, мчит.
В русле каменистом
Песенку журчит.
Зелень трав густая
В пенистой струе.
Слак бежит, играя,
Славит бытие.
А в долинах ивы
Пышно разрослись.
Кроны молчаливо
Смотрят вниз.
Ветви их повисли —
Их гроза страшит,
Тяжелы их мысли,
Жалоба шуршит...
Слак спешит — в стремнинах
Омут завинтит,
А потом в глубинах
Мирно спит.
Рвется с диким ревом
Прочь из берегов,
Под небесным кровом
Буен и здоров.
Вешнее, хмельное
Времечко пройдет,
Слак опять родное

Русло обретет.
Обходя пороги,
Мчится Слак.
Щедрые потоки —
Вечной жизни знак.

— Эй, какой тебе, ветла,
Год идет?
— Коль по кольцам — дожила
До трехсот.
— Ну, а корни крепки,
Иль слабы?
— Глубоки.
Еще годны для борьбы.
— Не усох ли ствол в пути
За года?
— Что ж, попробуй — обхвати
Без труда!
— А весной твоя листва
Не редка?
— Сквозь нее видны едва
Облака.
— А ветвям своим, ветла,
Счет ведешь?
— Все от гроз я сберегла,
Не сочтешь.
— Почему ж одна
Повисла без сил?
— Исстрадалась она —
Свет не мил.
— Отчего ж она, ветла,
Чуть жива?
— Да на ней Нарспи-вдова *
Смерть нашла...

* Героиня одноименной поэмы К. Иванова.

Ищу Илем *, гармонию ищу!..
По давнему обычаю поэтов
Услышать звуки песен недопетых
Я прихожу к сильбийскому ручью.
И здесь в ночи — как наказала мать —
Я камни золотые, словно луны,
Под желобок кладу, готовясь ждать
Заветный голос в песне многоструйной.
Лицо и руки окроплю водой.
Хлеб накрошу в ручей, преданий полный.
Родник, который Кесьтентина ** помнит,
Я слушаю твой голос молодой.
Напевы бесконечные твои
Легко мне в сердце проникают сами.
На вечной ленте временной струи
Ушедшие века их записали.

Вот слышу струны теплого дождя —
Как будто гусли отозвались эхом...
Вот звон теветя *** — девушка со смехом
Спешит, во мраке мимо проходя.
— Вжжжик! — в воздухе нагайка просвистела.

---

* красота.

** Константин Иванов — зачинатель чувашской классической поэзии.

*** широкая лента, увешанная монетами, украшенная бисером и надеваемая девушками в торжественных случаях.

— Ыых! — тяжело крестьянин рухнул в грязь.
Свирель поэту здравицу пропела.
Кукушка годы дарит, не скупясь.
Все звуки давние... Дитя лепечет в зыбке.
Над ним, склоняясь, что-то шепчет мать.
Тревоги сердца не могу унять.
Я нынче гость былого... Как на скрипке,
Играет ночь. Прислушавшись, всплакну.
Звон колокольчиков с низовья долетает:
Друзья и родичи на бывшую войну
Парней сильбийских снова провожают. –
Вдруг в тишине — бубен дробь рассыпал.
И стар и млад пустились в пляс: не спи!
Что это? Свадьба? Может, у Нарспи?
Невесты причет долетел ко мне.
Вот дребезжа колеса застучали.
Вот кто-то правит косу на заре.
Летят года то в счастьи, то в печали...
Вода со звоном плещется в ведре.
Теперь как будто колокол ударил:
— Чанн-чанн! Чанн-чанн! — разносится в ночи.
Пожар? Восстанье? Век, стартуй и мчи,
Сорви оковы стародавних правил.
И в этот миг как будто из глубин
Донесся тихий голос Кесьтентина.
Заговорил со мной народа сын?
А может — показалось? Все едино...
Я счастлив. Слова молвить не могу.
Боюсь спугнуть трепещущие трели.
Покуда звезды все не догорели
Молчу и отзвук чуда берегу.
Рассвет. Прощай, родник. Не иссякай,
Жизнь новую вбирай в свое теченье.
Эндип еще вернется в этот край,
Как отрок возвращается к ученью.

Памяти поэта А. Воробьева

Не время сетовать на бренность нашу.
Весна. Все торжествует и цветет.
По травам свежим, по всему Слакбашу
Лебедушек кружится хоровод.
Подол у каждой пышный, трехэтажный,
Оборки, ленты, платья так длинны...
Сидеть бы, созерцать их с миной важной,
Но я растерян, скулы сведены.
Ах, вьются-льются недоступной тайной
Твои сестрицы юные, Нарспи!
Так почему я здесь лишь гость случайный?
Тоска-печаль, от сердца отступи!
А, может, вовсе не хитра загадка:
Я опоздал — и как тому помочь?
Что ж на меня застенчиво, украдкой
Глядит другого поколенья дочь?
Глядит, кружась, взволнованно, стыдливо
Из хоровода, будто из венка...
Иль, может, кажется?.. Ну что ж, не диво
Вселить надежду в сердце простака...
О чем грустить? Известно повсеместно,
Что в жизни редко счастлив был поэт —
Одним курили фимиам посмертно,
Других жалел посмертно целый свет.
Мне больно вспомнить муки Кесьтентина:
Как уголек на льду, он угасал.
Теперь лишь, когда все ему едино,

Его весенний, светлый день настал.
Вот снова в честь его стихи читаем
В селенье том, где прах его зарыт.
Вкруг бюста ходим журавлиной стаей
И вспоминаем, и душа скорбит...
И не забыть, как свежести медовой
Лексей вдохнул в молочно-спелый стих,
Но вдохновенное умолкло слово,
Навек осекся голос и затих.
Узнало, может, сердце в час бессонный,
Что не судьба приехать вновь к друзьям...
Но ходит день его незамутненный
По вспаханной земле, густым полям.

И я целебным воздухом Слакбаша
Прогнал тоску докучную и сплин.
Моей судьбы полна была бы чаша,
Когда бы вновь сюда... Хоть раз один!

Сам себя не пойму — что случилось со мной?
Слезы лью от добра, а со злом не могу примириться.
Стиснув зубы, с невзгодой справляюсь любой,
Искры радости мне обжигают ресницы.
Убеждаю себя — будет счастье, а беды пройдут,
Хоть — увы! — не всегда убедить мне себя удается.
Что послышится сердцу, что глаза мне представят на суд?
Что в безжалостной памяти мечется и остается?
Пробуждаются росы, когда еще властвует мрак,
Но не искрятся прежде, чем луч их не тронет спросонок...
Что со мною? Себя не пойму я никак —
Я добрею... Как будто во мне пробудился ребенок.
Зло упало в цене? Неужели я прав в этот раз?
Неужели добро на земле наконец вздорожало?
Озаренье сполохами в куполе глаз,
И улыбка сквозь слезы от радости малой.

Глупец!.. Зачем шумел я неуместно,
Так беззащитно душу раскрывал:
— Внемлите мне! Да будет вам известно —
Я вас люблю! — ко всем вокруг взывал.
Все звуки покрывал мой дерзкий голос:
И песню иволг, и стрельбу цикад,
Бессилье с просветлением боролось,
И тишь... гремела пуще канонад.
Увы, я горло надрывал напрасно,—
Кого я звал — моих не слышал слов...
Когда твердишь признанья громогласно,
Лишь оглушит такой настырный зов...
Наверно, тех, кто засыпал устало,
Я криками «Проснитесь!» изводил...
Но если бы пора любви настала,
Мне быть услышанным хватило б сил?
...И вот он, шепот,— легкий, как дыханье.
Куда девался буйный мой запал?
И мир затих — весь чуткость и вниманье,
И пробудился тот, кто крепко спал.

...Попутчик—добрый друг, так что нам даль дороги?
Вдвоем шагаем ввысь по крутизне тропы.
В осенней слякоти скользят и вязнут ноги,
От ветра с изморосью мы почти слепы.

Как будто из села и выйти не успели —
Ознобом пробирает до костей.
И что в такую рань нас гонит, в самом деле?
Сидели б дома... Нет, шагай, сырей!..

...А ночь прошла без сна, и до зари холодной
Стихами было занято село.
Читали с другом мы поочередно,
Покуда горло нас не подвело.

Пять-шесть старушек, мужики да деды,
И молодежь... Нахмуренные лбы...
Часы душевной, искренней беседы,
И теснота избы, как зов судьбы.

Крестьянина проймешь лишь правдой-маткой.
Сфальшивишь чуть — в себя уйдет он вмиг.
И сам ты согреваешься украдкой,
Коль чувствуешь, что стих в сердца проник.

Как будто рвется вверх таинственная сила
Из глаз, из недр души — так слушают они.

И вдруг улыбка детская: пронзило!
Видать, твои созвучья им сродни...

Прочь, суета сует! Нам этот миг любезней —
Сошлись в тепле избы поэзия и труд.
Как пепел очага, развейся и исчезни,
Гул славы призрачной, тщеты житейской суд!

...Попутчик—добрый друг, так что нам даль дороги?
Вдвоем шагаем ввысь по крутизне тропы.
Но, может, отдохнуть? Свернуть на путь пологий?
Иль все взбираться вверх, хоть звезды так скупы...

Глаза слипаются... И на ноги пудами
Налипла грязь... Так что же? На постой?
Залезть на сеновал? Да вот он, перед нами!
Так сладко пахнет, так манит покой!

Шагаем... Поздно чаять благодати...
Пик горний призрачен, но разве в этом суть?
Нас Кесьтентин призвал! Через холмы и гати
Ухсай и Хузангай ведут в нелегкий путь.

Сияньем не слепит вершина эта,
Ковыль на ней, полынь; на ней снега и лед.
Но к жаждущей душе, теплом любви согретой,
Она вперед идущих приведет.

Сирени дым! И близко, близко
Подходят сумерки, звеня,
И песня иволги сильбийской
Неистовством слепит меня.

Один брожу вокруг развалин,
Где было некогда село,
Где холмики рядами встали,
Где все пыреем заросло.

Что от земли крестьян отторгло?
Жестокий шквал? Незваный гость?
Какие превратили орды
Село в заброшенный погост?

Земли родимой, сиротливой
Не бросит, кто в нее зарыт.
Живые где? Пытаю иволг —
Быть может, им секрет открыт?

Но что их песни все печальней?
В них зов иль состраданья стон?
За память вашу, путь ваш дальний,
Певуньи, низкий вам поклон.

Судьба, зачем ты так однообразна?
Одну печаль подносишь за другой.
Суровостью пытаешь безотказно —
Когда, когда проверишь добротой?

Что потерял и что обрел?
Что призрачно и что нетленно?
Что безрассудно я отмел?
Что берегу? Что сокровенно?

Где грелись мы огнем костра,
Там нынче копошатся змеи,
И то, чем дорожил вчера,
Сегодня помянуть не смею.

Где жизнь цвела, там серый мох,
Вчерашний блеск внушает ужас.
Что знал — припомнить я не смог,
Тепло души сменяет стужа.

Но все ж — всему на свете быть
В земле и на земле прекрасной,
Вновь восторгаться и любить,
Терять и обретать всечасно...

Стихи убитые... Стихи сожженные...
Что ж память прожигают ваши вспышки?
Не возродиться вам, неугомонные,
Вы умерли, бескрылые пустышки...
До вас мне дела нет, стихи забытые:
Я знаю — прожитое не вернется.
Где пыл и страсть, теченьем жизни смытые?
Огонь в золе холодной не проснется...
Но стоит лишь смежить глаза усталые,
Они вдруг появляются из бездны —
Все пуще полыхают строчки старые,—
Зачем ты, сон, давнишний, неуместный?
Опять я там, в чужой избе, заброшенной,
И печки пасть ехидно так хохочет,
И угля нет, и сажа разворошена,
Но слово тлеет, умирать не хочет...
Я задуваю крохотное зарево,
Взлетает облачком зола пустая.
Я мог бы написать те строчки заново —
Боюсь, что пепла холодней их стая.

Брови крылатей и круче.
Мысли спокойней, ясней.
И с угасаньем огней
Легче, прозрачнее тучи.

Минули ревность и зависть,
Хмель пустозвонных услад.
Трав еще буен наряд,
Осень трет краски покамест.

Близится вихрь листопада —
Рано мне думать о нем.
Тают под летним дождем
Душная пыль и досада.

...Даль исчезает в тумане,
Кромка заката близка —
Буду виниться, пока
С неба свеча не поманит.

Любите, девушки и женщины, поэтов!
Дарите им веселые улыбки,
Не оскорбите шуткой по ошибке...
Любите, девушки и женщины, поэтов!

Любите, сестры старшие, поэтов!
Без них надежды безнадежны станут,
Затихнут песни и мечты увянут...
Любите, сестры старшие, поэтов!

Любите, девушки и женщины, поэтов!
Сердца их детские случайно не разбейте,
А разобьете — непременно склейте...
Любите, девушки и женщины, поэтов!

Любите, сестры младшие, поэтов!
Без них забудет человек о чуде,
Окаменеют и остынут люди...
Любите, сестры младшие, поэтов!

Любите, девушки и женщины, поэтов!
Их охраняйте от дурного слова,
Не оставляйте их в ночи без крова...
Любите, девушки и женщины, поэтов!

Любите, девушки и женщины поэтов!
Без них слова «добро» и «зло» сольются,
Без них друзья друг с другом разминутся,
Глаза младенца в люльке не сомкнутся...
Любите вечно, матери, поэтов!

«Чибикаран *, Чибикаран»...
Бубенчик или барабан,
Или вода струится в чан
По желобку: «Чибикаран»...

Окрест черемухи дурман,
Я терпким ароматом пьян,
И как призыв, и как обман,
Звучит твое: «Чибикаран...»

Весь лес от чащи до полян
Поет, любовью обуян.
Твоя улыбка, легкий стан...
Но тише! Строг Чибикаран...

Костер стрельнул — высок, багрян,
Огонь задел рассвета грань.
Ты шепчешь: «Губы не порань —
Осудит нас Чибикаран...»

Моя любовь — Чибикаран!
Ты мне самой судьбою дан.
Моя свобода, мой аркан,
Чибикаран, Чибикаран...

---

* название села — букв. означает: черный птенчик *(башк.)*

В задумчивом березняке —
Невдалеке,
На сквозняке —
Костер горит:
— Чур! — говорит,
— Шур! Жур! — шуршащих искр полет,
Душа поет,
И нет забот...

А на лугу — вблизи огня,
В цветенье дня,
В свеченье дня —
Приходит вновь все, что любил,
Трепещет парой легких крыл,
Но у костра не стынет пыл,
И что открыл —
Вновь позабыл...

Красавица передо мной —
Цветок, слепящий белизной,
Чуть ближе — с черною косой.
Огонь угас,
Прервал свой пляс.
Кого позвать
Кусты ломать?
Где та, с кем скрыться я б хотел?..
Но в памяти —
Нарспи удел.

В дом я забьюсь до рассвета.
Улица дышит едва.
Из лунных лучей и ветра
Вяжет ночь кружева.

Окно мое плотно увито,
Завешено шторой густой.
Теряя Слакбаш из вида,
Я вспомнил о девушке той...

— Зима, где ж та девушка, где же?
Чем дышит с тех давних пор?
— Из лунных лучей и надежды
Свадебный вяжет убор...

Сквозь полог заиндевелый
Где-то вдали возник
Подаренный зимушкой белой
Милый заснеженный лик.

«Нет сильнее человека
В этом мире никого».

К. Иванов

То ли коршун, то ли беркут, то ли сокол
В чистом небе крылья распростер.
Над холмами кружит он высоко,
Озирает он земной простор.
А круги размашистей и выше
В неостановимом вираже.
Он пронзает туч тяжелых крышу
И кричит, невидимый уже.
Но и сквозь дымящиеся тучи
Замечает он змеиный глаз
И, как молния, с небесной кручи
Падает, на жертву устремясь.
И опять клинком разрезал небо,
Сжав когтями черную змею...
Чью он смерть уносит, страж свирепый?
Чью погибель? Может быть, мою?

Да, в природе все закономерно:
Гниль гниет, растет живое вверх.
Но идет промеж добра и скверны
По своим законам человек.
Он прощать умеет. И прощает
И льстеца он, и клеветника.
На того, кто ядом угощает,
Сильный духом смотрит свысока.
Он бы мог судить, отмщая строго,

Но, с рожденья мудрость возлюбя,
Усмехнется: — Пошали немного.
Муки совести настигнут и тебя.
Ты неужто думал, что крылатый
Дух, чьи так полеты высоки,
Для червей ползучих станет братом?
Человеку это не с руки...

Терпение и ярость — мой народ,
Сердечность и отвага — мой народ,
Талантливость и скромность—мой народ...
Всего не перечислить!.. Но живет
В веках и будет в мире жить всегда
Он славой неустанного труда.

Слакбашский родник, 1973 г.

— Сердцем пиши...

Я. Ухсай

«Замолкнет гром и перезвон,
А песне сердца жить века»,—
Так говорит народ, а он
И в этом прав наверняка.
Кто затаился в мишуре
Дешевеньких и льстивых слов,
Забыл о правде и добре —
Тот станет нем в конце концов.
Немой болтун, он лжив и сер,
Он раб бездарной суеты,
Он славы жаждет, лицемер,
Он — эхо вязкой пустоты.
Он сердцем немощен и скуп.
Он — тень. Он — лишь осколок льда.
Жар творчества болтливых губ
Не опаляет никогда.

...Пылает сердце. И в его
Горниле плавятся слова
И льются в строки... Мастерство,
Провозгласив свои права,
Взовет к труду и — взлет огня!
И — в сердце новой песни звук!
Строка упругая, звеня,
Стрелою вырвется из рук.

1

Чуть брезжут сумерки, я рад
На холм взобраться отдаленный.
В тиши вбирает жадный взгляд
Распахнутый простор зеленый.
Чем глубже вечер и темней,
Тем пуще свет он в окнах множит.
Как много на земле огней!
И все зовут: зайди, прохожий!
Круг лампы, или жар в печи —
Не все ль равно? Так прочь, сомненья!
Иди, в любую дверь стучи,
От грусти нет верней спасенья...
Ты на земле не одинок:
Зажги костер в свой час тревожный —
Не зря ночной простор глубок,
В нем друг скрывается надежный.

2

Чуть брезжут сумерки, я рад
На холм взобраться отдаленный.
В тиши вбирает жадный взгляд
Простор, распахнутый, бездонный.
Чем глубже небо и темней,
Тем очевидней звезд горенье.
Какое множество огней
Там, в космосе... Так прочь, смятенье!
Тебя любая ждет звезда,
Коль в путь, в полет мечты позвали.
Поверь, ты счастлив лишь тогда,
Когда одолеваешь дали!
О нет, наш мир не одинок!
Взлети от своего порога —
Не зря ночной простор глубок:
Ясней в ней звездная дорога.

Я чародей. Я на весах всю ночь
Ума и сердца взвешиваю слово.
Остывшие отбрасываю прочь,
Беру лишь то, что запылать готово.

Слова, как звезды... Мыслям быстрым вслед
От них идет волшебное мерцанье,
Летит с небес их отдаленный свет
И прорывает полночь мирозданья.

Слова, как звезды. Могут умереть...
И вот они тускнеют, остывают —
Не в силах больше ни светить, ни греть...
Таких и время быстро забывает.

Хвала судьбе: глаза открыла мне
На звезды, чей огонь не угасает.
И близь, и даль мне явственны вполне
В лучах, которые они бросают.

ТОСТ В ГОСТЯХ

Я говорю: — Как мой язык красив!
Он лучший в мире. Но спешить не надо
С обидами. Я, право, не спесив.
Но речь отцов мне — вечная награда.
И в этом братском, праздничном застолье
Для каждого его язык родной
Дороже всех наречий под луной.

Я говорю: — Конечно, мать моя
Всех женщин на земле милей и ближе.
Но все равно, поверьте мне, друзья,
Я никого гордыней не обижу.
И в этом братском, праздничном застолье
Для каждого прекрасней всех одна —
Та, кем ему однажды жизнь дана.

Я говорю: — Я строю лучший дом
На свете! Щедрый, не гневись, хозяин,—
Мой тост хорош. За общий дом мы пьем.
Не ведая провинций и окраин.
И в этом братском, праздничном застолье,
Где общий тост, единодушный смех,—
Одна большая родина на всех.

ПРОЩАНИЕ КЕСЬТЕНТИНА С КРЕСТЬЯНАМИ

«Нет, не поется мне... Не в радость труд...
Ни чувств, ни мыслей новых у меня.
Кремень... кресало... может быть, мой трут
Так отсырел, что не извлечь огня?
Возьму резец: от стружки белых лип
Пусть веет ароматом дней былых.
Я болен. Грудь сгорела. Голос — хрип.
И захлебнулся горечью мой стих.
Стол светлый. Стулья желтые. Вокруг
Застыли пчелы-звуки — мертвый рой.
Зову: — Чуваши, пусть любой, как друг,
Пригубит песен старых мед живой!
Пусть в ковш мой солнца выльется струя,
Пусть ветер запоет в моей груди.
Гусляр, дружище, не слабей, как я,
Ударь по струнам, чудо возроди!
Эй, шубырзи!* Одышкою моей
Не мучайся — о счастье прозвени,
Звон облаков серебряных пролей!
Прочь, грусть! Да будут радостными дни!
Начнете песню — рухнут звезды вниз,
Воскреснут звуки юности тотчас.
Любил я беззащитно, без границ...
Попомните, когда уйду от вас!

---

* играющий на шубыре (пузыре)

В одной рубашке в мир явился я.
В одной рубашке в землю лягу спать.
Надежды сгинули. Звезда сгорела вся.
Я выпью с вами! Время наливать.

Не станет боль любви лекарством новым,
Ведь лишь одна — Она! — во мне живет.
Меня земля укутает покровом —
Она взгрустнет и... забывать начнет.
Звените ж, гусли! Ложь от правды начал
Я различать, кончиною ведом;
Пляшите и ковши швыряйте на пол,
Пусть доски гнутся, пусть шатает дом.
Пляши, мой друг, слакбашский мой крестьянин.
Коль не проглотят недра — будем жить.
Ах, если б голос в крылья не был ранен!
Мне — сирому — не петь и не любить...

Рыдай, сырнай! В глазах моих не горе:
В них трудно, ярко гаснет стылый свет.
Мне из прощального ковша отведать вскоре.
А этот — в небо выплеснем... Рехмет!» *

---

* благодарю.

«Наверное, я умираю, мама,
уж на вершину подняли меня...»

Последние слова К. Иванова

— Курил он много.
Черпал яд ковшом...
Пахал, как мы, но с виду был приметный.
И как он маялся перед концом!
Иссох и почернел.
Совсем извелся, бедный...

Сижу со стариком — свидетелем живым.
С судьбой поэта не могу смириться.
Над горестным селом
Летящей тучи дым,
Сверкает в небе мрачная зарница.
Поэты покидают мир, сгорев,
Но оставляют жар души высокой —
Запечатленные
Надежды, скорбь и гнев...
Не будь, душа поэта, одинокой!
Не остужай небесного огня!
«Наверное, я умираю, мама,
Уж на вершину подняли меня..,»
Я слышу там,
Где гром гремит упрямо,
Завеса грозных туч прядь ковылей чернит.
Под куполом небес заслон багровый дыма —
И если знал поэт,
Что смерть в глаза глядит,
О чем хотел сказать он матери любимой?

То — тайна тайн. Ее лишь радуга поймет,
Что в небесах внезапно засветилась,—
И вновь увидел я:
Поэт глядит с высот —
Мне чудо среди бела дня явилось!
Но снова молний всплеск —
И окоем в дыму!
Пусть тень поэта на холме не тает!..
Чтоб там воздвигнуть памятник ему,
То ль камня, то ль души нам не хватает.

Как поплыл я через Волгу,
Побежал навстречу солнцу,
Как запел, глотая слезы:
Не нашел и там я чуда...

Из старинной слакбашской песни.

— Что такое чудо? — девушку спросил,
Подойдя к звонкоголосой речке.
Улыбнулась: — Если хватит сил,
Поверни теченье — я тогда отвечу.

— Что такое чудо? — на лугу, чуть свет
Подошел я к женщине с вопросом.
— Уберем хлеба и дам тебе ответ.
А пока, прости, спешим мы с сенокосом.

— Чудо? Как не знать! Давно, сынок, нашли,—
Мне старик с улыбкой сокровенной
Отвечал: — Оно внутри земли.
И... вокруг нее — во всей большой вселенной.

В ковше узорном мед любви шипучий —
Он цвета летних зорь, он древний, молодой...
Хвала добру! Поклон, народ певучий!
Я выпью твой напиток золотой.
Друг друга мы сейчас благословляя,
Возьмем ковши. Я вас люблю, друзья!
Что говорить? Обычай выполняя,
Заздравный тост скажу, прощаясь, я.
Хвала земле кормящей! Хлебу-соли!
Хвала лугам приречным и лесам!
И родникам, сверкающим на воле!
Хвала понятным сердцу голосам!
Народ родной — земли любимой чудо,
Ты — берегущий слово про запас —
Роди поэтов новых, тех, что будут
Талантливей и голосистей нас.
До слез меня слакбашские напевы
Пронзают. Кровь сказителей густа
И горяча. И жизни нашей древо
Раскидисто и молодо всегда.
Чудесный край, твоих лесов кочевья
Могучи от вершины до корней.
Прочна кора, одевшая деревья,
И нет трухи бессилия по ней.
Пускай стучат часы, не уставая,
Пускай рождают матери детей.
Расти же, древо жизни, раскрывая

Шатры своих раскидистых ветвей.
В ковше узорном мед любви шипучий.—
Он цвета летних зорь, он древний, молодой.
Хвала добру! Поклон, народ певучий,
Я выпил твой напиток золотой.
Прощайте! Запеваю на прощанье:
«...Навеки вместе...» В этом песни суть.
И пусть недолгим будет расставанье.
До скорой встречи! Отправляюсь в путь.

СОДЕРЖАНИЕ

«Сердце матери стучит в груди моей...»
Перевод Н. Григорьевой

МЕДВЯНАЯ РОСА. Стихи.

«Родной язык, как мне тебя познать...»
Перевод Н. Григорьевой 3
Детство
Перевод Е. Аксельрод 4
«Неделю возим на гумно снопы...»
Перевод Е. Аксельрод 5
Солдатские письма
Перевод Е. Аксельрод 6
1945 год
Перевод Н. Григорьевой 8
«— Мама, кто там плачет в небе синем...»
Перевод Е. Аксельрод 9
Солнечное затмение
Перевод Е. Аксельрод 10
Слово матери
Перевод Н. Григорьевой 12
«— Где умирают лебеди?..»
Перевод Е. Аксельрод 14
«Настала осень...»
Перевод Е. Аксельрод 16
«Месяц на ущербе...»
Перевод Е. Аксельрод 17
«В весеннем поле труд бурлил...»
Перевод Е. Аксельрод 18
«Дуб-батюшка, могучий, словно бык...»
Перевод Н. Григорьевой 19
«Вздымая тучи искр...»
Перевод Н. Григорьевой 20
«Не видно солнца. Громоздятся тучи...»
Перевод Е. Аксельрод 21
Гостевая
Перевод Е. Аксельрод 22
«Домов, ему подобных, не отыскать...»
Перевод Е. Аксельрод 24
«На стрехе сосулька...»
Перевод Е. Аксельрод 25
Тележка нужды
Перевод Е. Аксельрод 26

Народная песня
Перевод Е. Аксельрод 28
Стальной звон
Перевод Н. Григорьевой 30
«Черный Ключ — вода черным-черна...»
Перевод Н. Григорьевой 31
Птица счастья
Перевод Е. Аксельрод 33
«Нет, не молиться — низко поклониться...»
Перевод Е. Аксельрод 34
Как живешь?
Перевод Е. Аксельрод 35
«Обрыв... Громады льдов...»
Перевод Е. Аксельрод 36
Агатуй
Перевод Н. Григорьевой 37
Медвяная роса
Перевод Н. Григорьевой 39
«Вечер тихо ухнул в воду...»
Перевод Е. Аксельрод 40
«Рано-рдяно...»
Перевод Е. Аксельрод 42
«— Что важнее,—ты меня спросил...»
Перевод Н. Григорьевой 43
«Пчела в соцветьях собирает мед...»
Перевод Н. Григорьевой 44
Чародей дождя
Перевод Н. Григорьевой 45
Страда
Перевод Н. Григорьевой 47
«Что вкусней, чем обед в час страды...»
Перевод Е. Аксельрод 49
«Ливень льет и льет, не уставая...»
Перевод Н. Григорьевой 51
Пот земли
Перевод Н. Григорьевой 53
«Меж бронзовой стерни — дороги глянец...»
Перевод Н. Григорьевой 54
Банная
Перевод Е. Аксельрод 55
«Как села хороши!..»
Перевод Н. Григорьевой 57
День счастья
Перевод Е. Аксельрод 58

«В пору первых осенних утрат...»
Перевод Е. Аксельрод 60
«Береза белая, моя сестра...»
Перевод Н. Григорьевой 61
Попутчица
Перевод Е. Аксельрод 62
«Осень день за днем тускнеет...»
Перевод Е. Аксельрод 64
«Спешат опасть червивые плоды...»
Перевод Н. Григорьевой 65
«Один не видит то, что под ногами...»
Перевод Е. Аксельрод 66
Легенда
Перевод Е. Аксельрод 67
«Бывало, на крылья саней-лебедей...»
Перевод Е. Аксельрод 69
«Я утром хмурым говорю...»
Перевод Н. Григорьевой 70
Чувашский каравай
Перевод Н. Григорьевой 71
«Свет дальних звезд струится сквозь меня...» . . 72
Перевод Н. Григорьевой 72
«Зная — земле и воде нет цены...»
Перевод Е. Аксельрод 73
Жду вестей
Перевод Н. Григорьевой 74

ПРЕКРАСНЫЕ МГНОВЕНЬЯ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ. Поэма.
Перевод Е. Аксельрод 76

ИЛЕМБИ. Стихи.

«То было первое Ее явленье...»
Перевод Е. Аксельрод 110
«Есть купол неба...»
Перевод Н. Григорьевой 111
«Пар стоит над лесом...»
Перевод Е. Аксельрод 112
«Ты пришла ко мне...»
Перевод Е. Аксельрод 113
«Странно, когда ненароком...»
Перевод Е. Аксельрод 114
«Ночь. В черном небе вспышка...»
Перевод Е. Аксельрод 115

«Разум ищет пониманья...»
Перевод Е. Аксельрод 116
«Невесты поднялись на холм высокий...»
Перевод Е. Аксельрод 117
«С наполненными ведрами...»
Перевод Н. Григорьевой 118
«Такие сказочные вечера...»
Перевод Е. Аксельрод 119
«Ты взором не отталкивай меня...»
Перевод Н. Григорьевой 121
«Семьдесят разных нарвал цветов...»
Перевод Н. Григорьевой 122
«Соломенные под пушистым снегом крыши...»
Перевод Е. Аксельрод 123
«Пичугой — только-только из яйца...»
Перевод Е. Аксельрод 125
«Илемби, родная! Друг мой нежный!..»
Перевод Е. Аксельрод 126
«— Ты Земля,— говорю я тебе...»
Перевод Н. Григорьевой 127
«По листьям глаз скользнул рассвет...»
Перевод Е. Аксельрод 128
«Ты всходишь надо мной звездой далекой...»
Перевод Е. Аксельрод 129
«Задыхаясь, восторгаюсь...»
Перевод Н. Григорьевой 130
«Я землю обновлял при свете дня...»
Перевод Н. Григорьевой 131
«Чтоб женщина всегда была красивой...»
Перевод Е. Аксельрод 132
«Чем больше, Илемби, тобой любуюсь я...»
Перевод Н. Григорьевой 133
«Дарил тебе я розы, но давно...»
Перевод Н. Григорьевой 135
«Нетерпеливый желтый холод...»
Перевод Е. Аксельрод 136
«Ждет автомобилей вереница...»
Перевод Е. Аксельрод 137
«В небе опять журавлиная стая...»
Перевод Е. Аксельрод 138
«Мужчина плакать женщину заставил...»
Перевод Н. Григорьевой 139
«Когда подполз ко мне змеей глумливой...»
Перевод Е. Аксельрод 140

«О сколько молний сквозь меня прошло...»
Перевод Н. Григорьевой 141
«Была ты, счастьем...»
Перевод Н. Григорьевой 142
«— Я сильный, крепкий...»
Перевод Е. Аксельрод 143
«Останься, лебедь белоснежная!..»
Перевод Н. Григорьевой 144
«Так часто мне не задавай вопроса...»
Перевод Е. Аксельрод 145

«ВЕРНИТЕСЬ, АИСТЫ, В СЕЛО!
Поэма.
Перевод Н. Григорьевой 146

ОРЕХИ СЛАКБАША. Стихи. 190

«Два золотых ореха спелых...»
Перевод Н. Григорьевой . . . . —
«Слак со звоном чистым...»
Перевод Е. Аксельрод 192
«Эй, какой тебе ветла, год идет?..»
Перевод Е. Аксельрод 194
«Ищу Илем, гармонию ищу!..»
Перевод Н. Григорьевой 195
«Не время сетовать на бренность нашу...»
Перевод Е. Аксельрод 197
«Сам себя не пойму...»
Перевод Е. Аксельрод 199
«Глупец!.. Зачем шумел я неуместно...»
Перевод Е. Аксельрод 200
«Попутчик — добрый друг...»
Перевод Е. Аксельрод 201
«Сирени дым! И близко, близко...»
Перевод Е. Аксельрод 203
«Судьба, зачем ты так однообразна?..»
Перевод Е. Аксельрод 204
«Что потерял и что обрел?..»
Перевод Е. Аксельрод 205
«Стихи убитые... Стихи сожженные...»
Перевод Е. Аксельрод 206
«Брови крылатей и круче...»
Перевод Е. Аксельрод 207
«Любите, девушки и женщины, поэтов!..»
Перевод Н. Григорьевой 208

«Чибикаран, Чибикаран...»
Перевод Е. Аксельрод 209
«В задумчивом березняке...»
Перевод Е. Аксельрод 210
«В дом я забьюсь до рассвета...»
Перевод Е. Аксельрод 211
«То ли коршун, то ли беркут...»
Перевод Н. Григорьевой 212
«Терпение и ярость — мой народ...»
Перевод Н. Григорьевой 214
«Замолкнет гром и перезвон...»
Перевод Н. Григорьевой 215
«Чуть брезжут сумерки, я рад...»
Перевод Е. Аксельрод 216
«Я чародей. Я на весах всю ночь...»
Перевод Н. Григорьевой 218
Тост в гостях
Перевод Н. Григорьевой 219
Прощание Кесьтентина с крестьянами
Перевод Н. Григорьевой 220
«— Курил он много...»
Перевод Е. Аксельрод 222
«— Что такое чудо?..»
Перевод Н. Григорьевой 224
«В ковше узорном мед любви шипучий...»
Перевод Н. Григорьевой 225

Василий Иванович Антипов (ЭНДИП)

РОДНИКИ РОССИИ

Стихи и поэмы

Перевод с чувашского Елены Мееровны Аксельрод
и Надежды Адольфовны Григорьевой
ИБ 778
Редактор **Р. М. Митрушкина.** Художник **В. А. Смирнов.** Художественный редактор **Е. Е. Михайлова.** Технический редактор **Н. В. Васильева.** Корректор **Л. А. Иванова.** Сдано в набор 12.08.80. Подписано к печати 12.12.80. НТ 36461. Формат 70×108/$_{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,15. Учетно-изд. л. 6,44. Физ. печ. л. 7,25. Заказ № 4351. Тираж 2000 экз. Цена 75 коп. Чувашское книжное издательство, Чебоксары, пр. Ленина, 4. Типография № 1 Государственного комитета Чувашской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Чебоксары, Канашское шоссе, 15.

75 коп.

ЧУВАШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО